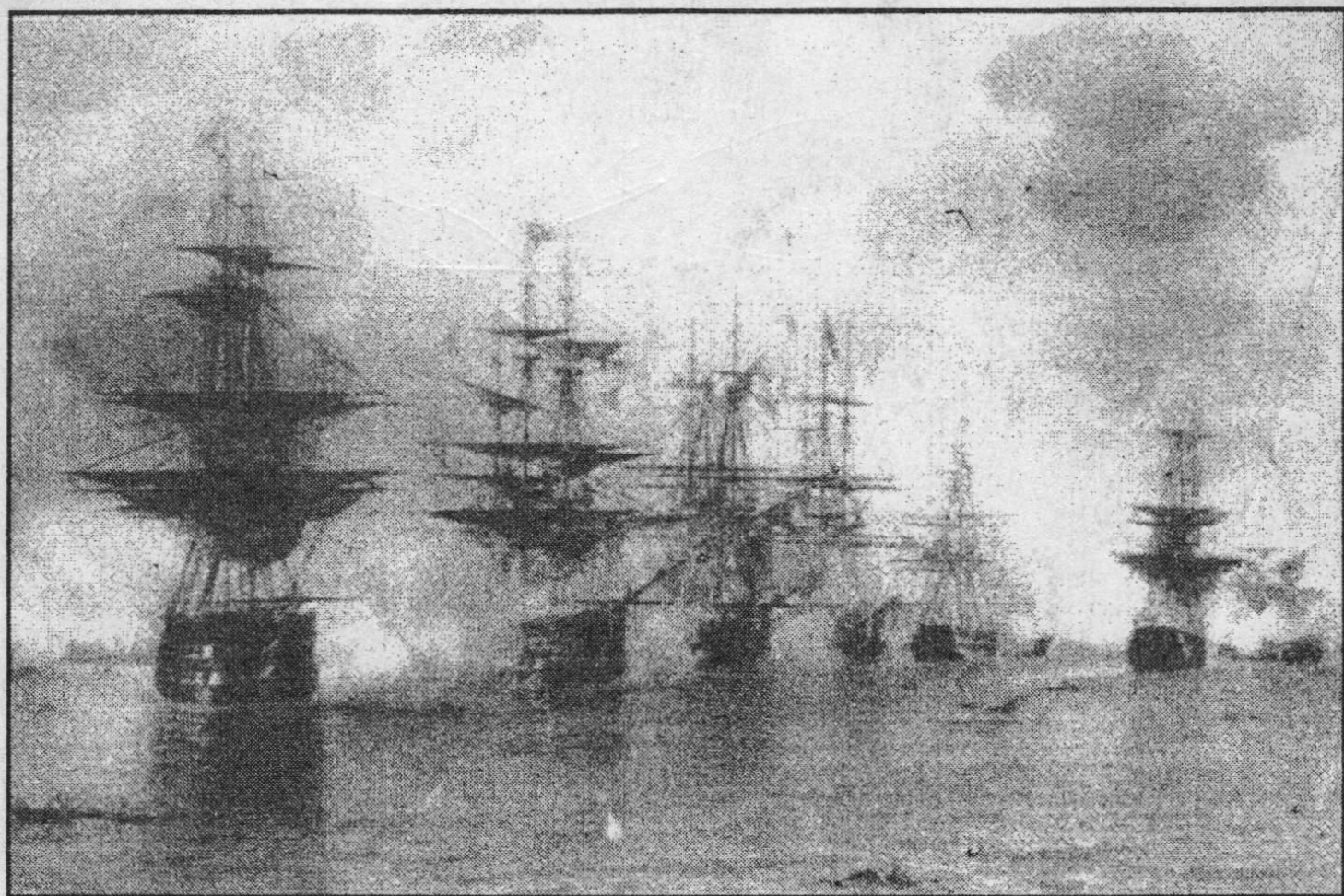

Восточный вопрос во внешней политике европейских государств и России

(конец XVIII - начало XX в.)

Учебное пособие

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НИКОЛАЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Авторы – составители:

Шкляж И.М., доктор исторических наук, профессор НГУ

Миргородский В.Н., преподаватель НУНЦ ОНУ

им. И.И. Мечникова

Долженко С.Г., магистрант НГУ

**Восточный вопрос во внешней
политике европейских государств
и России
(конец XVIII - начало XX в.)**

Учебное пособие

Scan by Skorpion Professional

Николаев 2003

УДК 94 (41/99)(075,8)

ББК 63.3(О)Я73+

66.3(О)Я73 В 78

Рецензенты:

Черных А.Г., доктор исторических наук, профессор НУНЦ
ОНУ им. И.И. Мечникова

Колосовская Н.Д., директор Николаевского областного
института последипломного педагогического образования,
кандидат исторических наук

**Восточный вопрос во внешней политике европейских
государств и России
(конец XVIII - начало XX в.)**

(Учебное пособие)

Учебное пособие – Восточный вопрос во внешней политике европейских держав и России (конец XVIII – начало XX в.) – является оригинальной работой, поскольку включает в себя программу спецкурса, документы, биографический справочник и документальный очерк по весьма сложной проблеме всемирной истории конца XVIII – начала XX в.

Документы, публикуемые в пособии, позволяют лучше понять непростой характер русско-турецких отношений в XIX веке. Кроме того, в данную работу включается ценное приложение: исторические карты, схемы, иллюстрации.

Учебное пособие может быть использовано в чтении общего курса по всемирной истории в вузах и средней школе.

The text-book – “The Eastern issue in the foreign policy of European countries and Russia” is an original work which includes a special course syllabus, documents, a biographical reference book and a documentary essay. It covers the complicated issue of world history at the end of the 18th – to the beginning of the 20th century.

The documents published in this text-book help us to understand better the difficult character of Russian – Turkish relations in the 19th century. In addition, a valuable appendix is included in this text-book containing historical maps, sketches and illustrations.

This text-book can be used in general course about world history in institutions of higher education as well as in secondary schools.

Зак. №1199. Тираж 300.

Подписано к печати 24.02.03. Гарнитура Times

Усл. печ. л. – 8; учетн. издат. л. – 6,1

Типография «Ризо-графика»

54015, г. Николаев, ул. Спасский спуск, 13, Тел.(0512) 36-73-55

Содержание

I. Программа спецкурса	4
II. Список литературы	5
III. Хронологическая таблица	8
IV. Биографический справочник	12
V. Документы	
1. Отрывки из дневника Д.А. Милютина	27
2. «Походные письма 1877 года» Н.П. Игнатьева	45
3. Журнал «Вестник Европы» о русско-турецких отношениях 70 -х гг. XIX в.	81
VI. Документальный очерк «Подвиг капитана»	91
VII. Приложение	98

ПРОГРАММА

по спецкурсу

«Восточный вопрос во внешней политике европейских государств и России (конец XVIII- начало XX вв.)»

Введение

1. Актуальность темы
2. Источники
3. Историографический обзор

Тема I. Зарождение Восточного вопроса

1. Турция и европейские державы в конце XVIII в.
2. Русско-турецкие отношения в конце XVIII в.

Тема II. Восточный вопрос в начале XIX в.

1. Внешняя политика Франции и Турция
2. Колониальная экспансия Англии на Ближнем и Среднем Востоке
3. Балканская проблема. Русско-турецкая война 1812 г.

Тема III. Восточный вопрос в 20-х гг. XIX в.

1. Европейские державы и греческое восстание
2. Военно-политический кризис Османской империи. Мухаммед Али
3. Русско-турецкая война 1828 - 1829 гг.

Тема IV. Обострение Восточного вопроса в 30-40-х гг. XIX в.

1. Турецко-египетские отношения и позиция европейских держав
2. Ближневосточная политика России
3. Завершение турецко-египетского кризиса

Тема V. Восточная (Крымская) война 1853-1856 гг.

1. Европейские державы и Россия накануне вооруженного конфликта
2. Ход военных действий
3. Одесса и Николаев в Крымской войне
4. Парижский мирный договор

Тема VI. Восточный вопрос во 2-й половине XIX в.

1. Усиление экономической и политической зависимости Турции от западных держав
2. Борьба народов Балканского полуострова против османского ига

Тема VII. Восточный вопрос 1875-1876 гг.

1. Образование Союза трех императоров и его влияние на Восточный вопрос
2. Русско-турецкая война 1877-1878 гг.
3. Берлинский конгресс

Тема VIII. Ближневосточный кризис 90-х гг. XIX в.

1. Армянский вопрос и западноевропейские государства
2. Русско-турецкие отношения в конце XIX в. Вопрос о проливах
3. Греко-турецкая война 1895-1897 гг.
4. Политика России на Балканах в 90-х гг. XIX в.

Тема IX. Восточный вопрос в начале XX в.

1. Положение на Ближнем Востоке
2. Русско-австрийское соперничество на Балканах
3. Англо-русское соглашение 1907 г. и вопрос о черноморских проливах
4. Младотурецкая революция и Восточный вопрос
5. Боснийский кризис

Заключение

Список литературы

1. Аветян А.С. Германский империализм на Ближнем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. - М., 1966.
2. Азия – диалог цивилизаций (Б. А. Литвинский, Е. В. Антонова (отв. ред.)). Институт востоковедения. – СПб., 1996.
3. Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок. - М., 1970.
4. Антюхина-Московченко В. И. История Франции. 1870-1918. - М., 1963.
5. Арш Г.Л. Этеристское движение и Россия. - М., 1970.
6. Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905-1911 гг. - М., 1973.

7. Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. - М., 1956.
8. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. - М., 1973.
9. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство в Крымской войне. - М., 1953.
10. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. - М., 1974.
11. Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX - начало XX в.). - М., 1968.
12. Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. Пролог первой мировой войны. - Л., 1964.
13. Виноградов К.Б. Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х гг. XIX в. - М., 1974.
14. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII-начало XX в.). - М., 1978.
15. Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905-1907 гг. - М., 1960.
16. Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х - начале 40-х гг. XIX в. - М., 1975.
17. Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1772-1806. - Кишинев, 1975.
18. Достян И.С. Россия и балканский вопрос. - М., 1972
19. Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. - М., 1992.
20. Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. - М., 1968.
21. Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV-XIX вв. - М., 1992.
22. Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888гг.). - М., 1993.
23. Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. - М., 1971.
24. Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908-1914 гг.). - М., 1962.
25. Кинросс, Лорд. Расцвет и упадок Османской империи (пер. с англ.). - М., 1999.

26. Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. - 1908). - М., 1975.
27. Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг. — Киев, 1967.
28. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. - М., 1991.
29. Муньков Н.М. И. Кутузов-дипломат. - М., 1962.
30. Новичев А.Д. Турция. Краткая история. - М., 1965.
31. Общественное движение и их идеология в до буржуазных обществах Азии. (Отв. ред. Г.Ф. Ким, К.З. Ашрафян). - М., 1988.
32. Османская империя: государственная власть и социально-политическая стратегия. - М., 1990.
33. Османская империя. Проблемы внешней политики и отношений в России. (Сб. статей. отв. ред. С.Ф. Орешкова). - М., 1996.
34. Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860-1861 гг. - М., 1966.
35. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя: реформы и реформаторы (кон. XVIII - нач. XX в.). - М., 1993.
36. Петросян Ю.А. Младотурецкое движение. Вторая половина XIX - начало XX в. - М., 1971.
37. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. - М., 1990.
38. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху (С.М. Иванов отв. ред. и др.). - СПб., 1996.
39. Силин А.С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. - М., 1971.
40. Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. - М., 1976.
41. Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798-1806). - Соч. - т. 10. - М., 1959.
42. Тарле Е.В. Крымская война. - Соч. - т. 8, 9. - М., 1959.
43. Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземном море. - Соч. - т. 10. - М., 1959.
44. Тейлор А. Борьба за господство в Европе. 1848-1918 гг. - М., 1958.
45. Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. - М., 1958.

46. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике османской империи (османизм – панисламизм) XIX – нач. XX в. – М., 1985.
47. Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. - М., 1970.
48. Шеремет В.И. Босфор, Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. – М., 1995.
49. Шеремет В.И. Турция и Андрианопольский мир 1829 г. - М., 1975.
50. Шпаро О.Б. Захват Кипра Англией. - М., 1974.
51. Шпаро О.Б. Россия и освобождение Греции. - М., 1965.
52. Шпилькова В.И. Младотурецкая революция 1908-1909 гг. - М., 1977.
53. Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. - М., 1951.

Хронологическая таблица (важнейшие даты)

Русско-турецкая война	1768-1774
Восстание в Сирии и Палестине против турецкого ига	1769-1774
Поражение турецкого флота в морском сражении при Чесме	1770
Кючук-Кайнарджийский договор	21 июля 1774
Присоединение Крыма к России	1783
Русско-турецкая война	1787-1791
Ясский мир с Турцией	9 января 1791
Абдул-Хамид, турецкий султан (годы правления)	1774-1789
Разгром турецкой армии русскими войсками под командованием А.В. Суворова при Рымнике	22 сентября 1789
Штурм турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А.В. Суворова	22 декабря 1789
Систовский мир Австрии с Турцией	4 августа 1791
Начало реформ Селима III в Турции	1792

Высадка в Египте французских войск под командованием генерала Бонапарта	июль 1798
Уничтожение французской эскадры английским флотом под командованием адмирала Нельсона в Абукирской бухте	1-2 августа 1798
Оккупация Египта французскими войсками	1798-1801
Союзные договоры России и Англии с Турцией	январь 1799
Начало восстания сербов против турецкого ига	февраль 1804
Восстание в Каире под руководством Мухаммеда Али	1804
Русско-турецкая война	1806-1812
Восстание янычар в Константинополе и свержение Селима III	25-29 мая 1807
Дарданелльский мирный договор Англии с Турцией	5 января 1809
Бухарестский мир России с Турцией	28 мая 1812
Подавление сербского восстания турецкими войсками	1813
Образование греческого тайного общества "Союз друзей"	1814
Второе восстание сербов против турецкого господства	1815
Освободительное антифеодалное восстание в Дунайских княжествах под руководством Г. Владимиреску	январь 1821
Начало восстания в Греции против турецкого ига	апрель 1821
Турецко-иранская война	1821-1823
Провозглашение независимости Греции Национальным собранием в Эпидавре	13 января 1822
Уничтожение янычарского войска в Турции	июнь 1826
Аккерманская конвенция между Россией и Турцией	7 октября 1826

Лондонская конвенция России, Англии и Франции о помощи Греции	6 июля 1827
Уничтожение турецко-египетского флота в Наваринской бухте англо-русско-французской эскадрой	20 октября 1827
Русско-турецкая война	1828-1829
Андрианопольский мир России с Турцией	14 сентября 1829
Лондонский протокол о независимости Греции	3 февраля 1830
Признание Турцией автономии Сербии	август 1830
Война правителя Египта Мухаммеда Али против турецкого султана	1831-1833
Ункяр-Искелесийский союзно-оборонительный договор между Россией и Турцией	8 июля 1833
Опубликование программы реформ ("танзимат") в Турции	3 ноября 1839
Вторая война Египта против Турции	1839-1840
Лондонская конвенция четырех европейских держав об оказании помощи турецкому султану против египетского паши	15 июля 1840
Лондонская конвенция о режиме черноморских проливов	13 июля 1841
Открытие Сербской Скупщины в Карловицах	13 мая 1848
Начало Крымской (Восточной) войны	23 октября 1853
Уничтожение русским флотом турецкой эскадры в Синопской бухте	30 ноября 1853
Объявление Англией и Францией войны России	27 марта 1854
Бомбардировка Одессы англо-французским флотом	22 апреля 1854
Высадка англо-франко-турецких войск в Крыму	14-18 сентября 1854
Оборона Севастополя	1854, 10 октября- 1855, 8 сентября
Взятие Карса русскими войсками	28 ноября 1854

Указ о реформах в Турции	18 февраля 1855
Подписание Парижского мирного трактата. Конец Крымской войны	30 марта 1856
Решение Парижской конференции об объединении Молдавии и Валахии	19 августа 1858
Образование государства Румыния	1859
Французская интервенция в Сирии	1860-1861
Образование в Сербии общества "Омладина"	1866
Открытие Суэцкого канала	17 ноября 1869
Основание В. Левским и Л. Каравеловым Национального революционного комитета (Болгария)	1870
Заключение «союза трех императоров» - Германии, России и Австро-Венгрии	23 октября 1873
Национально - освободительное восстание в Боснии и Герцеговине	июль 1875
Восстание в Болгарии против турецкого господства	апрель 1876
Провозглашение конституции в Турции	23 декабря 1876
Русско-турецкая война	1877, 24 апреля – 1878, 31 января
Провозглашение независимости Румынии	21 мая 1877
Подписание Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией	3 марта 1878
"Кипрская конвенция" между Турцией и Англией	4 июня 1878
Берлинский конгресс	13 июня – 13 июля 1878
Принятие учредительным собранием в Тырнове конституции Болгарии	28 апреля 1879
Провозглашение Сербии королевством	6 марта 1882
Национально - освободительное восстание в Шипте под руководством Араби - паши	июнь-сентябрь 1882

Оккупация Египта Англией	июль-сентябрь 1882
Народное восстание в Хорватии	август-сентябрь 1881
Воссоединение Восточной Румелии с Болгарией	20 сентября 1878
Создание в Стамбуле тайного политического комитета "Единение и прогресс"	1880
Армянские погромы в Турции	1894-1895
Греко-турецкая война	18 апреля 18 мая 1897
Англо-египетская конвенция о кондоминиуме в Судане	19 января 1899
Англо-французское соглашение о Египте, Марокко и других колониальных владениях	8 апреля 1904
Младотурецкая революция	23 июля 1908
Восстановление конституции в Турции. Провозглашение независимости Болгарии	5 октября 1908
Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Начало Боснийского кризиса (1908-1909 гг.)	7 октября 1908

Биографический справочник государственных и политических деятелей Европы, Азии и Африки

Абдул Азис (1830 - 1876) - турецкий султан. На престоле с 1861 по 1876 гг. Он желал реформ, окружил себя либералами, приобрел популярность, но не был достаточно тверд, чтобы исполнить свои намерения. С 1862 г. частые нервные расстройства мешали ему заниматься государственными делами и потому до 1871 г. Турция управлялась великим визиром (главным министром).

Абдул Меджид (1823 - 1861) - султан Турции, старший сын Махмуда II, которому наследовал в 1839 г., вскоре после поражения Турции в войне с Египтом. С помощью европейских держав Абдул Меджиду удалось усмирить египетского правителя Мухаммеда

Али. Он также продолжал некоторые реформы, начатые отцом. В 1839 г. Абдул Меджид издал документ (Хатти-шериф), по которому обещал равное покровительство всем турецким подданным, отказываясь от старого султанского права распоряжаться их жизнью и имуществом. При этом султанине Турция вела войну против России (1853-1856); в Боснии, Болгарии и Албании произошли антитурецкие восстания; в Дамаске имели место погромы христиан.

Абдул Хамид II (1842-1918; - турецкий султан (1876-1909). Введя под давлением движения Новых османов в 1876 г. конституцию, уже в 1878 г. разогнал палату депутатов и установил самодержавный деспотический режим. Политикой угнетения народов Османской империи и в особенности организацией армянских погромов заслужил прозвище "кровавого султана". При Абдул Хамиде II Турция превратилась в полуколонию западноевропейских держав. В период младотурецкой революции 1908 г., вынужден был восстановить конституцию 1876 г. и созвать палату депутатов. Низложен после неудачной попытки контрреволюционного переворота.

Али-паша Тепеленский (Янинский) (ок. 1744-1822) - албанский феодал (родом из Тепелины, Южная Албания), правитель с 1787 г. части Балканского полуострова (с центром в г. Янина), добившийся фактической независимости от турецкого султана. Убит в войне с султаном Махмудом II.

Андраши Дьюла (старший) (1823-1890) - государственный деятель Австро-Венгрии. Участник венгерской буржуазной революции 1848-1849 гг. Отражая интересы венгерского дворянства, принял активное участие в австро-венгерском соглашении 1867 г., результатом которого было образование дуалистической австро-венгерской монархии. С 1867 г. - премьер-министр первого конституционного правительства Венгрии. В 1871-79 гг. - министр иностранных дел Австро-Венгрии. Проводил политику экспансии на Балканах; в 1879 г. подписал договор об австро-германском военном союзе.

Асквит Герберт Генри (1852-1928) - английский государственный деятель, лидер Либеральной партии. В 1892-95 гг. - министр внутренних дел. В 1908-1916 гг. - премьер-министр. Проводил политику, способствующую подготовке и развязыванию Первой мировой войны 1914-1918 гг. В апреле 1916 г.

правительство Асквита жестоко подавило Дублинское восстание в Ирландии.

Баттенберг Александр (1857-1893) - князь болгарский (1879-1886). Опирался на крайне консервативные элементы, отражавшие интересы верхушки болгарской буржуазии. 9 мая 1881 г. совершил государственный переворот и затем добился чрезвычайных полномочий на 7 лет; проводил политику превращения Болгарии в оплот австро-германского влияния на Балканах. А. Баттенберг был вынужден отречься от престола под давлением болгарских офицеров-руссофилов.

Безбородко Александр Андреевич (1747-1799) - русский государственный деятель, дипломат. Происходил из украинской казацкой старшины. В 1765 г. начал служить в канцелярии генерал-губернатора Украины П. А. Румянцева. С 1775 г. - секретарь Екатерины II, составитель манифестов и многих других документов (до 1792 г.). С 1780 г. - член коллегии иностранных дел, с 1784 г.

фактически возглавлял ее. С конца 80-х гг. до 1792 г. был ежедневным докладчиком Екатерины II по всем важнейшим вопросам. Принимал участие в подготовке и заключении главнейших международных актов России последней четверти XVIII в.: добился признания Турцией присоединения Крыма к России (1783), подписал выгодный для России Ясский мирный договор 1791 г. с Турцией, конвенцию о третьем разделе Польши (1795) и др.

Бенковский Георги (настоящие имя и фамилия - Гаврил Хлытев) (1844-1876) - болгарский революционный демократ, один из вождей национально-освободительной борьбы болгарского народа против турецкого ига. В апреле 1876 г. возглавил освободительное восстание против турок в Панатюриште, подготовленное болгарским революционным комитетом. При подавлении восстания был зверски убит турками.

Бисмарк фон Шенгаузен Отто (1815-1898) - князь,

государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии. Происходил из семьи померанских юнкеров. В 1862 г. был назначен министром-президентом и министром иностранных дел Пруссии. Проводил политику объединения Германии вокруг Пруссии с помощью войн (“железом и кровью”). После разгрома Австрии в австро-прусской войне 1866 г. Бисмарк добился создания Северо-Германского союза (1867) во главе с

Пруссией. Посредством фальсификации Эмской депеши спровоцировал объявление войны Пруссии Наполеоном III. В 1871-90 гг., Бисмарк - рейхсканцлер Германской империи. Политика Бисмарка определялась интересами юнкерства и крупной буржуазии. Считал своей важнейшей задачей подготовку новой войны против Франции до восстановления ее военной мощи. Стремился обострить отношения между Россией и Англией, Россией и Австро-Венгрией. Военный союз, заключенный Бисмарком в 1879 г. с Австро-Венгрией, был направлен против России и Франции, хотя с Россией Бисмарк внешне стремился поддерживать дружественные отношения, считая, что война с ней была бы чрезвычайно опасной для Германии.

Бруннов Филипп Иванович (1797-1875) - граф, русский дипломат. Из курляндских дворян. На дипломатической службе с 1818 г. Принимал участие в конгрессах Священного союза, в переговорах с Турцией в Аккермане (1826) и Андрианополе (1829). В 1829-1839 гг. - один из ближайших помощников министра иностранных дел Нессельроде. На посту посланника России в Лондоне (1840-54, 1858-74) проводил политику англо-русского сближения. Составил записку, которая легла в основу лондонской конвенции о Египте (1840) и о проливах (1841) и др. Участвовал в работе лондонской конференции по делам Греции (1843). Подписал англо-русский коммерческий трактат 1849 г. и Лондонский протокол 1852 г. В 1856 г. - второй делегат на Парижском

конгрессе. Вел переговоры, приведшие к заключению Лондонской конвенции о проливах (1871).

Брэтиану Йон (1821-1891) - сын валашского помещика. Участвовал в революции 1848 г. в Валахии. Став начальником полиции Бухареста, выступил против вооружения народа для отпора турецкой интервенции. В 1848-57 гг. - в эмиграции во Франции. Вернувшись на родину, участвовал в движении за объединение румынских княжеств в Валахии и Молдове. Был одним из основателей (1866) Либеральной партии. В 1876-1888 гг. (с небольшим перерывом в 1881 г.) - председатель Совета министров Румынии. Во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. правительство Брэтиану заключило соглашение с Россией и провозгласило независимость румынского государства 9(21) мая 1877 г. от Турции.

Бюлов Бернхард (1849-1929) - германский государственный деятель. В 1900-1909 гг. - рейхсканцлер (глава правительства). В борьбе против усиливающегося стачечного движения прибегал к жестоким репрессиям (введение в 1903 г. в Саксонии осадного положения во время забастовки текстильщиков). Выступал с широкой программой борьбы за передел мира в интересах Германии. Политика правительства Бюлова способствовала обострению англо-германских и русско-германских противоречий.

Витте Сергей Юльевич (1849-1915) - граф, русский государственный деятель. В 1892-1903 гг. - министр финансов; в 1903-1905 гг. - председатель кабинета министров; в 1905-1906 гг. - председатель совета министров. Витте проводил политику, способствовавшую развитию российского капитализма, поощрял привлечение иностранных капиталов. В 1895 г. установил винную монополию. В 1897 г. осуществил финансовую реформу, согласно которой было введено золотое обращение и установлен свободный обмен кредитного рубля на золото. В области внешней политики был сторонником укрепления

русско-французского союза; на Дальнем Востоке стремился добиться отсрочки военного конфликта с Японией. В 1905 г. возглавлял делегацию, заключившую Портсмутский мирный договор. Витте стремился подавить революцию 1905-1907 гг. путем уступок и обещаний либеральной буржуазии и репрессий по отношению к народу; по его предложению был опубликован манифест 17 октября 1905 г. Витте был сторонником эволюции самодержавия в сторону буржуазной монархии. В 1906 г. получил отставку и после этого не играл крупной политической роли. Автор "Воспоминаний" (3 т, 1923-24 гг., изданные посмертно) о времени царствования Александра III и Николая II.

Воронцов Михаил Семенович [19 (30) мая 1782 — 7 (19) ноября 1856, Одесса], светлейший князь (1852), российский генерал-фельдмаршал (1856), генерал-адъютант (1815). Сын генерала-аншефа графа С. Р. Воронцова. На военную службу был записан в гвардию в 1786, действительное прохождение ее начал в 1801, уже имея чин подпоручика. Отличился в боях с горцами на

Кавказе в 1803-04 и в кампаниях против французов в 1805-07, был произведен в 1807 г. в полковники. В 1809-11 находился на театре военных действий против турок, отличился при штурме Базарджика, за что награжден чином генерал-майора. В 1812 г. командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией во 2-й Западной армии, стойко оборонявшей в Бородинском сражении Семеновские флеши. Сам Воронцов при Бородино был ранен пулей в ногу и вынесен с поля боя. Произведенный в начале 1813 г. в генерал-лейтенанты, в кампаниях 1813-14 г. принимал участие во многих сражениях и особо отличился под Краоном в 1814 г., за что был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. С 1815 г. по 1818 г. возглавлял русский экспедиционный корпус во Франции. С 1823 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1825 г. произведен в генералы от инфантерии. Этот период его биографии получил скандальную известность из-за критических эпилграмм на

него А. С. Пушкина, ухаживавшего в то время за его женой Е. К. Воронцовой (урожденной Браницкой).

Участвовал в русско-турецкой войне 1828-29 гг. и руководил осадой Варны. С 1844 г. по 1854 г. наместник и главнокомандующий на Кавказе, продолжил тактику, примененную против горцев еще А. П. Ермоловым, но не всегда имел положительные результаты. Был одним из богатейших людей в России, в молодости придерживался либеральных взглядов, на административном поприще оставил о себе хорошую память рядом мер по благоустройству Крыма, Северного Причерноморья и Кавказа. Похоронен в кафедральном Преображенском соборе в Одессе.

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787-1874) - французский историк и государственный деятель; протестант, член Французской академии (с 1836 г.). Профессор (с 1812 г.) Сорбонны. Гизо - один из создателей теории классовой борьбы. В 1832 - 1836 гг. - министр внутренних дел; в 1836 - 1837 гг. - министр народного просвещения; в 1840 - 1848 гг. - министр иностранных дел, с 1847 г. - одновременно и премьер-министр; кабинет Гизо был свергнут революцией 1848 г.

Гирс Николай Карлович (1820 - 1895) - русский дипломат. Начал службу в 1838 г. в министерстве иностранных дел. С 1850 г. занимал ответственные дипломатические должности, в 1882 - 1895 гг. - министр иностранных дел. Педантичный и осторожный политик. Гирс был послушным исполнителем воли Александра III. Придерживался германской ориентации; был вынужден изменить политический курс

вследствие антирусской политики Германии, а также стремлением царизма получить французские займы, содействовал Франко-русскому сближению.

Голь Кольмар фон дер (Гольц - паша) (1843 - 1916) - германский военный деятель, фельдмаршал (с 1911 г.). В 1885-1895 гг. - глава германской военной миссии в Турции, под его руководством в турецкой армии были проведены реформы по германскому образцу. В 1909-1912 гг. - вице-председатель Высшего военного совета Турции. В начале Первой мировой войны - генерал-губернатор оккупированной немецкими войсками Бельгии, с ноября 1914 г. по апрель 1915 г. - адъютант турецкого султана, с апреля по октябрь 1915 г. - командующий 1-й турецкой армией (район Константинополя), в октябре 1915 г. - апрель 1916 г. - командующий турецкими и германскими вооруженными силами в Месопотамии.

Горчаков Александр Михайлович (1798 - 1883) - князь, русский дипломат, министр иностранных дел (1856 - 1882), государственный канцлер (с 1867 г.). Окончил Царскосельский лицей. До 1856 г. занимал дипломатические должности в Лондоне, Риме, Флоренции, Вене, Штутгарте и Франкфурте-на-Майне. Был

участником конгрессов Священного союза в Троппау, Лайбахе, Вероне, а также Венской конференции 1855 г. В 1871 г. на Лондонской конференции добился отмены статей Парижского мира 1856 г., ограничивающих права России на Черном море. Участник создания "Союза трех императоров". Обеспечил нейтралитет европейских держав в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В 1878 г. возглавил русскую делегацию на Берлинском конгрессе. В 1882 г. вышел в отставку. Сторонник буржуазных реформ.

Грей Эдуард лорд Фаллодон (1862 - 1933) - английский политический деятель и дипломат. В 1905 - 1916 гг. - министр иностранных дел. Способствовал созданию Антанты, заключив в 1907 г. соглашение с Россией.

Дондуков - Корсаков
Алексей Михайлович (1820 - 1893) - князь, русский государственный деятель, генерал от кавалерии (1878). Верховный русский комиссар в Болгарии (1878 - 1879), участник разработки Тырновской конституции 1879 г.

Ибрахим - паша (1786 или 1789-1848) - командующий египетской армией в 1816-1841 гг. С 1847 г. - фактический правитель Египта.

Извольский Александр Петрович (1856-1919) - министр иностранных дел России (1906-1910); посол в Париже (1910 - май 1917). Способствовал консолидации стран Антанты.

Кара - Георгий ("Черный Георгий"; настоящее имя и фамилия - Георгий Петрович) (1752-1817) - руководитель сербского восстания 1804-1813 гг. против турецкого ига. Выходец из крестьян. В 1811 г., после реорганизации внутреннего управления в освобожденной Сербии, Кара-Георгий стал единодержавным правителем; основатель (1808) династии Карагеоргиевичей. В 1808-1813 гг. верховный кнез. В 1813 г., после поражения восстания, бежал в Австрию; в 1814-1817 гг. жил в России. В 1817 г. тайно вернулся в Сербию, где был вероломно убит по приказу Милоша Обреновича.

Кларендон Джордж Уильям (1800 - 1870) - граф, министр иностранных дел Великобритании в 1853 - 1858, 1865 - 1866, 1868 - 1870 гг.; виг (позднее либерал). Содействовал подготовке Крымский войны 1853-1856 гг.

Кочубей Виктор Павлович (1768-1834) - князь, русский государственный деятель и дипломат. Член Негласного комитета. В 1802-1807 гг. - министр внутренних дел. С 1827 г. - председатель Государственного совета и кабинета министров. Странник умеренных реформ.

Ламздорф Владимир Николаевич (1844-1907) - граф, русский дипломат; с 1897 г. - товарищ (заместитель) министра; с 1900 г. - министр иностранных дел. До конца 80-х гг. придерживался прогерманской ориентации, в дальнейшем активно поддерживая франко-русский союз. В дальневосточной политике был сторонником соглашения с

Японией, что явилось главной причиной отставки Ламздорфа в 1906 г. Автор "Дневника" (2 т).

Лобанов - Ростовский Алексей Борисович (1824-1896) - князь, русский государственный деятель, дипломат. В 1882-1895 гг. - посол в Вене, в 1895-1896 гг. - министр иностранных дел. Труды по истории генеалогии.

Махмуд II (1785-1839) - турецкий султан (1808-1839). С целью создания централизованной феодально-абсолютистской империи провел ряд реформ. В 1826 г. издал указ о формировании регулярного войска, распустил полки янычар и истребил значительную их часть. Жестоко подавлял сербское и греческое национально-освободительные восстания. В правление Махмуда II были заключены Бухарестский мирный договор 1812 г., завершивший русско-турецкую войну 1806-1812 г., и Андрианопольский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1828-1829 гг. В 20 - 30-х гг. провел ряд прогрессивных реформ, в том числе ликвидировал военно-ленную систему и др.

Меншиков Александр Сергеевич (1787-1869) - светлейший князь, русский адмирал. С 1827 г. - начальник Главного морского штаба, фактически глава морского ведомства. В Крымскую войну главнокомандующий в Крыму (1853-1855), потерпел поражения при Альме и в Инкерманском сражении

Меттерних Клеменс (1773-1859) - князь, австрийский государственный деятель и дипломат. С 1809 г. - министр иностранных дел, был фактически главой правительства. В 1821-1848 гг. - канцлер. Один из главных участников Венского конгресса 1814-1815 гг., собравшегося после разгрома наполеоновской Франции. Был в числе основателей реакционного Священного союза и являлся одним из руководителей его политики, направленной на подавление революционного и национально-освободительного

движения во всем мире. В начале революции 1848-1849 гг. бежал из Вены.

Милан Обренович (1854-1901) - сербский князь в 1868-1882 гг., король (Милан I) в 1882-1889 гг., из династии Обреновичей. Стремился установить самодержавный режим, проводил авантюристическую внешнюю политику. Покинул страну после отречения от престола.

Мухаммед Али (1769-1849) - правитель Египта (1805-1849). Родился в г. Каволла (Македония). Албанец по происхождению. В 1798-1801 гг. как командир албанской части, входившей в турецкую армию, участвовал во франко-турецкой войне в Египте. После войны остался в Египте. Воспользовавшись народным движением против правящей мамлюкской клики, захватил власть (1805) и был официально признан турками пашой Египта (наместником турецкого правительства). Содействовал некоторому развитию промышленности в Египте, основал ряд государственных фабрик и мануфактур, носивших полукрепостнический характер. Создал в Египте боеспособную армию и флот европейского типа. Добившись полной независимости Египта от Турции, проводил активную внешнюю политику; вел войны, в том числе с Турцией. Мухаммед Али присоединил к Египту большую часть Аравии (1811-1818), Судан (1819-1822), Крит (1828), ряд областей в Передней Азии (1831-1833). Основатель династии, правившей до Июльской революции 1952 г. (юридически до 18 июня 1953 г.).

Нессельроде Карл Васильевич (1780-1862) - граф, русский дипломат. С 1816 по 1856 гг. - министр иностранных дел. С 1821 г. - член Государственного совета, с 1845 г. - государственный канцлер. В целях борьбы с революционным движением стремился укрепить Священный союз; проводил политику сближения России с Австрией и Пруссией и был по существу лишь послушным исполнителем воли Александра I,

затем Николая I. Политика Нессельроде не оправдала себя, и Россия оказалась изолированной накануне Крымской войны 1853-1856 гг. В 1856 г. был уволен в отставку.

Орлов Алексей Федорович (1786-1861) - князь, русский государственный деятель. Участник подавления восстания декабристов. В 1844-1856 гг. шеф жандармов. В 1856 г. - первый уполномоченный России на Парижском конгрессе. В 1856-1860 гг. - председатель Государственного совета и кабинета министров.

Паскевич Иван Федорович (1782-1856) - русский военный деятель, генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 г. С 1827 г. - управляющий Кавказским краем. В войнах России с Ираном (1826-1828) и Турцией (1828-1829) русские войска под командованием Паскевича заняли Тебриз (Тавриз), крепости Карс, Эрзурум и др. В результате от Ирана отошли к России армянские провинции Эривань и Нахичевань. В 1831 г. Паскевич подавлял восстание в Польше, в 1849 г. - революцию в Венгрии. В Крымскую войну 1853-1856 гг. был главнокомандующим русской армией на Дунае (в марте-мае 1854 г.).

Селим III (1761-1808) - турецкий султан в 1789-1807 гг. Проводя реформы в армии, в области землевладения, финансов, административного управления и пр., пытался укрепить центральную власть и предотвратить распад Османской империи. В результате мятежа недовольных янычар был свергнут с престола и убит.

Солсбери Роберт Артур Толбот (1830-1903) - маркиз, английский государственный деятель, лидер консерваторов. В 1885 - 86, 1886 - 92 и 1895 - 1902 гг. - премьер-министр. Правительство Солсбери осуществляло захват обширных территорий в Африке, Бирме, вело захватническую войну против буров.

Стамболов Стефан (1854-1895), в 1886 - 87 гг. - регент, в 1887 - 94 гг. - премьер-министр Болгарии. Установил диктаторский режим. Ориентировался на Австро-Венгрию и Германию.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862-1911) - государственный деятель России. С 1902 г. - губернатор Гродненской губернии, с 1903 г. - Саратовской. С апреля 1906 г. - министр внутренних дел, а с июля - одновременно и председатель совета министров. Осуществил третьеиюньский переворот 1907 г. Главными элементами политики Столыпина были: подавление революционного движения, аграрная реформа, лавирование в Думе между различными партиями с целью преобразования царизма в буржуазную монархию при сохранении его политического всевластия. Столыпин был убит в Киеве эсером Д. Багровым.

Ушаков Федор Федорович (1744-1817) - русский флотоводец, адмирал. Родился в с. Бурнакове ярославской провинции в семье мелкопоместного дворянина. В 1766 г. окончил Морской шляхетский кадетский корпус и в чине мичмана был назначен на флот. Участвовал в русско-турецкой войне 1768-74 гг., командуя кораблями Азовско-Донской флотилии на Черном море. В 1780 - 87 гг. командовал различными линейными

кораблями и с 1785 г. активно участвовал в руководстве строительством севастопольской военно-морской базы. Во время русско-турецкой войны 1787 - 91 гг. Ушаков, командуя авангардом Черноморского корабельного флота, разгромил в 1788 г. турецкий флот у о. Фидониси. В 1789 г. был произведен в контр-адмиралы и назначен командующим корабельным флотом, базировавшимся в Севастополе, а в 1790 г. - командующим всем Черноморским корабельным флотом. Одержал победы в Керченском морском сражении 1790 г., Тендровском сражении 1790 г. и в сражении у Калиакрии 1791 г. За взятие крепости и о. Корфу в 1799 г. Ушаков произведен в адмиралы. Вскоре после овладения Корфу и освобождения русской эскадрой Ионических островов корабли Ушакова блокировали французские военно-морские базы Анкону, Геную и др., осуществляли высадку десантов, участвовавших во взятии Неаполя, Рима и других городов Италии. Ушаков являлся новатором в военно-морском искусстве парусного флота второй половины XVIII в. Боевая подготовка и тактика флота под его руководством отличались внезапностью действий, инициативой командиров и всех экипажей, искусным сочетанием огня и маневра. Русский флот под командованием Ушакова не знал поражений. Оказавшись в опале, Ушаков вынужден был уйти в 1807 г. в отставку. Во время Отечественной войны 1812 г. был избран начальником ополчения Тамбовской губернии. Ушаков умер в своей усадьбе в Темниковском уезде той же губернии. В память об Ушакове Советское правительство 3 марта 1944 г. учредило орден и медаль имени Ушакова.

Шувалов Павел Андреевич (1830-1908) - граф, русский государственный деятель, дипломат, генерал от инфантерии. В 1885 - 94 гг. - посол в Берлине, сторонник сближения с Германией.

Шувалов Петр Андреевич (1827-1889) - граф, русский государственный деятель, дипломат, генерал от кавалерии. В 1861-64 гг. - начальник штаба корпуса жандармов и управляющий 3-м отделением. В 1866-74 гг. - шеф корпуса жандармов и начальник 3-го отделения. Ближайший советник Александра II. В 1874-79 гг. - посол в Лондоне.

Энвер - паша (1881-1922) - турецкий политический деятель, один из лидеров партии "Единение и прогресс", активный участник младотурецкой революции 1908 г. Самый влиятельный член неофициального "триумvirата" (Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша), фактически правившего страной накануне и в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. Проводил пантюркистскую политику, способствовал подчинению Турции германскому империализму. Пытался бороться с национально-освободительным движением в Анатолии, возглавляемым М. Кемалем. Убит в стычке с отрядом Красной Армии в Средней Азии, где Энвер - паша возглавлял с 1921 г. антисоветское движение.

Документы:

МИЛЮТИН Дмитрий Алексеевич [28 июня (10 июля) 1816, Москва — 25 января 1912], граф (1878), российский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1898), генерал-адъютант (1859), член-корреспондент (1853), почетный член (1866)

Военный историк и военачальник

Происходил из знатного, но обедневшего дворянского рода. Получил домашнее образование. Окончив в 1833 г. благородный пансион Московского университета с серебряной медалью, поступил на военную службу в чине прапорщика. В 1835 г. был принят в Военную академию и окончил ее с малой серебряной медалью. Затем продолжил службу в Генеральном штабе. В 1839-1840 гг. принял участие в боевых действиях против горцев на Кавказе и за отличие был произведен в капитаны. В 1840-1841 гг. совершил путешествие по странам Европы. В 1843-1845 гг. вновь находился на Кавказе в должности обер-квартирмейстера Кавказской линии и Черномории. С 1845 г. — профессор Военной академии. В 1848-1853 гг. работал по высочайшему повелению над созданием фундаментального пятитомного труда об Итальянском и Швейцарском походах Суворова (одна из лучших монографий, посвященных этим событиям, до настоящего времени). За создание книги «История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I» был избран членом-корреспондентом Академии Наук. С 1853 г. — сотрудник Военного министерства. Сопровождал императора Николая I в его заграничном путешествии, в 1854 г. был произведен в генерал-майоры. В 1855 г. вошел в состав особой «Комиссии для улучшения по военной части». В 1856 г. принял предложение князя И. И. Барятинского занять должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса (затем преобразованного в Кавказскую армию). При его непосредственном участии был разработан и осуществлен трехлетний план покорения Чечни и Дагестана, проведена реорганизация структуры военного управления кавказских войск. В 1858 г. получил чин генерал-лейтенанта, а в 1859 г., имея придворное звание генерал-адъютанта, участвовал в штурме аула Гуниб и пленении Шамиля.

Военная реформа

В 1860 г. Милютин по рекомендации князя А. И. Барятинского получил пост товарища военного министра, а в 1861 г. встал во главе военного ведомства и приступил к разработке

широкой программы военных преобразований. В соответствии с духом времени ему удалось провести целую серию крупномасштабных военных реформ, главная цель которых сводилась к ликвидации малоэффективной и уже пережившей себя рекрутской системы набора новобранцев и созданию массовой армии европейского типа путем привлечения к воинской повинности «большой части населения». Важнейшей частью его программы стали реорганизация высшего военного управления и создание территориальных органов в виде военных округов (вся Россия была разделена на 15 округов). Была осуществлена перестройка военного образования, основным элементом которой стало создание юнкерских училищ с двухгодичным сроком обучения. Многие были сделаны для перевооружения русской армии и оснащения ее новыми техническими средствами. Все милютинские начинания проводились в русле либеральных реформ Александра II, в царствование которого он считался одним из самых влиятельных министров. Милютин принадлежал к кругу либеральной бюрократии, группировавшейся вокруг великого князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны, и принимал участие в решении важнейших вопросов, воздействуя на общественное мнение через печать, в частности, через печатный орган Военного министерства — газету «Русский инвалид», имевшую свое лицо не только по военным вопросам, но и по общеполитическим. Собственные его взгляды можно охарактеризовать как умеренно либеральные.

Вопросы внешней политики

Что же касается внешнеполитических задач, то здесь он занимал всегда очень жесткую позицию. Был сторонником беспощадного подавления Польского восстания 1863-1864 гг., выступал в противовес канцлеру А. М. Горчакову за активное русское продвижение в Среднюю Азию и выход на границы с Британской Индией, решительно боролся с придворной германофильской группировкой. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала решающей проверкой дееспособности военных реформ, многие из которых были еще не закончены и находились в стадии проведения. Но военное ведомство организовало первую в истории русской армии мобилизацию, а сам военный

министр отправился на театр военных действий, где по его настоянию было принято важное решение о четвертом штурме Плевны, что привело к окончанию войны. Милютин был награжден орденом Святого Георгия 2-го класса и возведен в графское достоинство.

После убийства Александра II в 1881 г. и смены внутривластного курса Милютин вышел в отставку. Почти безвыездно жил в Крыму в своем имении. В 1898 г. правительство, вспомнив о его прошлых заслугах в связи с открытием памятника Александру II, произвело его в генерал-фельдмаршалы. Умер в Симеизе, был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. После его смерти остался значительный по объему архив. Оставил «Дневник» (т. 1-4, 1947-50).

Дневник Д.А. Милютина 1876-1877 (том второй). М., 1949.

31-го августа. Вторник. Ливадия

Более недели не имел я возможности заглянуть в свой дневник. Последние два дня пребывания государя в Варшаве были такие же суетливые и утомительные, как и предыдущие. Во вторник, 24-го числа, я имел продолжительный доклад перед смотром стрельбы стрелков и кавалерии. Между смотром и обедом посетил архиепископа Леонида; обед в Бельведере. Вечер провел дома за работой.

В среду, 25 числа, все утро прошло в маневре на Повонз[ков]ском поле; затем большой обед в Лазенках, а вечером спектакль в Померанчарне (оранжерее). Я уехал оттуда рано, после первой пьесы, чтобы покончить все дела перед отъездом из Варшавы.

В четверг, в 9 ч. утра, после молебствия в Бельведерском дворце, выезд из Варшавы по жел[езной] дороге на Брест и Одессу, куда прибыли в пятницу в 8 ч. вечера и прямо с жел[езной] дороги переехали на императорскую яхту «Ливадия», на которой при совершенно тихой погоде прибыли в субботу, 28-го числа, в 2 ч. дня в Ялту.

В последние дни пребывания в Варшаве и затем в продолжение всего переезда до Ялты мне пришлось часто быть с

кн. Горчаковым, слушать его разъяснения современного положения дипломатических сношений по восточному вопросу и читать получаемые с разных сторон депеши и телеграммы. Из этих разговоров и чтений я мог вывести заключение, что настоящее положение дел вовсе не внушает доверия к успешному результату нашей дипломатии. Присылка фельдм[аршала] Мантейфеля не имела другого значения, как только личное от императора Вильгельма удостоверение в сохранении чувств благодарности к нашему государю; о том же, как намерена Германия держаться при дальнейшем ведении дела, еще не разъяснено. Спокойно проживающий в Варцине немецкий канцлер не высказался до сих пор, ограничиваясь, как пифия, неопределенными ответами. Англия и Франция неохотно идут на предлагаемую конференцию; Италия охотно вызывается на участие, даже на инициативу в этом деле, но у нее свои расчеты и надежды; ей хочется поживиться на счет Австрии, предоставив последней вознаграждение в спорных славянских областях Турции. Сама же Австрия не может действовать откровенно, не может искренно идти с нами заодно. Сам кн. Горчаков смотрит на нынешнее положение дел уже не в розовом цвете, уже произносит слово: «isolement», на которое Россия должна быть готова; а isolement — весьма близко от войны. Между тем кн. Горчаков опять показывает странное нежелание шикнуть в соображения военные, повторяет прежнюю бессмыслицу, что мы должны быть готовы вести войну, не требуя особых финансовых средств сверх обыкновенного мирного бюджета. — Трудно верить, что государственный человек может серьезно, не в шутку говорить такую нелепость. Но у кн. Горчакова конек — экономия, сбережение финансов. Он¹ хвастается тем, что одни его дипломатические депеши ограждают интересы России, без помощи войск и без расстройств финансов. Когда же дипломатическая переписка чуть начинает принимать характер резкий, сомнительный, тот же кн. Горчаков кричит, зачем у нас армия не готова во всякую минуту прийти к нему на помощь. Теперь он пока настаивает только на усилении наших войск, собранных при Александрополе под видом лагерного сбора.

Наслушавшись от дипломатов (с нами ехали бар. Жомини, Амбургер, Фредрихс) всяких неутешительных известий о

¹ Хвастлив он кричит, что его дипломатия, одни его депеши

положении восточного вопроса, я счел уже невозможным оставаться долее в стороне и при докладе государю, во время пути, завел речь о возможности войны. Государь удивил меня своим спокойным и почти равнодушным взглядом на военную сторону возбужденного дела; он одобрял все мои предложения, соглашался на все, что я говорил относительно приготовлений к войне, но все это имело вид, как будто и теперь он вполне убежден в сохранении мира *quand-meme*. В продолжение поездки получались многие известия с театра войны; на одной из станций нашли мы кн. Цертелева, дипломатического чиновника, ездившего в Болгарию с той целью, чтобы доставить положительные сведения о совершавшихся там турецких зверствах. Присланный из Константинополя навстречу государю и госуд[арственному] канцлеру, он получил приказание ехать в Крым. Рассказы его дополнили то, что было уже известно из телеграмм и газетных статей.

Вообще переезд от Варшавы до Ливадии оставил невеселое впечатление. Это впечатление еще усилилось, когда, прибыв в Одессу (27-го ч[исла] вечером), мы перешли с железной дороги на яхту «Ливадия». При самом отходе яхты от берега, в виду всей одесской публики, толпившейся на пристани, вдруг приключился у ген. Потапова сильный нервный пароксизм.² С трудом увели его в каюту, но всю ночь он кричал страшным голосом, так что никому не дал спать. Утром он успокоился, но со всеми признаками умственного расстройства. По приезде в Ливадию его сначала поместили было в «свитском» флигеле, но потом нашли необходимым перевезти его в Ялту с тем, чтобы при первой возможности отвезти в Петербург.

По приезде в Ялту (28-го ч[исла] в 2 ч. дня) я узнал, что для меня отведено помещение в том же «свитском флигеле», из чего я заключил, что мне предстоит оставаться в Ливадии, при государе.³

² Он начался в разговоре его со мною.

³ В Варшаве государь высказал мне свое желание, чтоб я сопровождал его до Крыма, и при этом прибавил, что при настоящих обстоятельствах присутствие мое было бы полезно в Крыму; но не было ясно определено, на каких основаниях останусь я здесь.

Вот четвертый день, что я веду жизнь по установленным здесь порядкам и обычаям. Три раза в день все общество собирается в столовой (она же и зала): к завтраку (в 12 ч.), к обеду (в 7 ч.) и на вечернее собрание (в 9 ½ ч.). С первых же дней уже заметна написанная на всех лицах скука. Сам государь мрачен и озабочен; императрица нездорова, не выходит из комнаты и не принимает; между лицами свиты, особенно женского пола, — разлад. Для меня, впрочем, есть некоторое утешение — присутствие дочери. В самый день нашего приезда в Ливадию жена моя приезжала сюда повидаться со мной, так как я не мог отлучиться накануне торжественного дня 30-го августа. Только сегодня, в день доклада моего, я отпросился навестить свою семью; сейчас отправляюсь в Симеис, где надеюсь пробыть до пятницы, т. е. до следующего дня доклада.

3-го сентября. Пятница.—Пробыв два дня в Симеисе, среди своей семьи, я возвратился в Ливадию вчера вечером и нашел здесь прежнее мрачное настроение. Во дворце за обедом и на вечернем собрании, как передавали мне, толковали о неизбежности войны; сам государственный канцлер говорил это всем направо и налево; при этом громко сетовал о моем отсутствии и поручал сказать мне, что имеет крайнюю надобность видеться со мной прежде моего доклада государю.

Однакож я не мог исполнить желания канцлера: он помещен в Орианде, во дворце велик. кн. Константина Николаевича; ехать туда я не решился, опасаясь опоздать к докладу. Только что вошел я в кабинет государя, его величество с удовольствием сказал мне, что в мое отсутствие дипломатическая переписка приняла очень благоприятный оборот, что английское правительство само предложило весьма удовлетворительные условия для будущего мира, такие условия, на которые мы сей же час дали свое согласие; от Франции и Италии также получено согласие; от Германии было уже предварительное одобрение, и только со стороны Австрии английские предложения встретили какое-то недоверие. Кажется, чего же лучше? И почему же в эти два, три дня заговорили о войне? Государь передал мне свои разговоры с кн. Горчаковым по этому предмету; я понял, что вопрос о войне возбужден был не государем, который судит о возможной войне совершенно правильно, опровергая суждения государственного канцлера, имеющего о военных вопросах понятия самые смутные, совершенно детские. Он

думает, что начать войну и вести ее можно с такой же легкостью, как сочинить дипломатическую ноту. Сколько раз уже приходилось мне опровергать взгляд кн. Горчакова. Из разговора с государем я догадался, что дело шло о том, что будем делать в случае решительного несогласия Порты на перемирие и на предложенные шестью державами условия мира? Спрашивается, почему же в таком случае обязанность побуждения Порты к большей сговорчивости ляжет на одну Россию? — Неужели, в случае отказа Порты, сама Англия, предложившая условия перемирия, сочтет это посторонним для себя делом?

После длинного доклада у государя я поехал к кн. Горчакову в Ориадну, а потом заехал к Н. П. Игнатьеву, который поместился там же, в отдельном домике, так называемом «адмиральском». Государь пожелал, чтобы я все-таки лично переговорил с канцлером и с послом. Из разговоров с первым я вынес снова печальное убеждение, что все его действия и речи вертятся около одного слова - я. Что ж оказалось? - он получил на днях анонимное письмо, в котором восхвалялась прежняя его блестящая деятельность, доставившая ему громкую славу и популярность, а затем выставлялась настоящая его старческая дряхлость, не соответствующая трудной задаче современной политики, и советовалось ему добровольно уступить место другому, более молодому и энергичному министру иностранных дел. Такое послание, хотя и безымянное, заживо затронуло⁴ больное место его; и вот он стал на дыбы, заговорил пред фрейлинами и флигель-адъютантами о достоинстве и чести России, о сочувствии славянам, - о войне! У французов есть особое выражение - *poser*; наш государственный канцлер, при всем его уме и способностях, имеет огромный недостаток - всегда «позировать»; по выражению же покойного моего брата - он всегда пускает фейерверки. К прискорбию, эти фейерверки могут быть иногда опасной игрой.

При мне получена была канцлером шифрованная телеграмма из Константинополя о том, что турки и слышать не хотят о перемирии, ставят условия мира совершенно невозможные. Кн. Горчаков просил меня передать эту телеграмму государю, что я и исполнил. Государь призвал меня и прочел уже написанную им карандашом резолюцию в том смысле, что после такого ответа

⁴ самое

Порты ничего другого не остается, как прервать дипломатические сношения с Портой, а затем - и объявить войну. Такая поспешность в решении столь важного дела испугала меня. Я передал государю свой разговор и с кн. Горчаковым, и с Игнатьевым, стараясь при этом выставить все невыгоды нашего положения, когда море во власти наших противников и когда мы не знаем еще намерений Австрии. Я возвратился к той мысли, загрунутой при утреннем докладе моем, - о том, что было бы всего выгоднее, если б удалось убедить Австрию действовать совместно с нами занятием северных - областей Евро[пейской] Турции. В этом отношении я случайно сошелся в мнении с ген. Игнатьевым, который, как оказалось, сам вызывался ехать чрез Вену, чтобы убедить Андраши действовать заодно с нами с целью прекращения резни в славянских землях Турции. Игнатьеву очень не хочется теперь ехать прямо в Константинополь, (как он говорит - с пустыми руками, не имея никакой положительной программы. И мне кажется даже опасным появление его в Константинополе при настоящем положении дел; оно может быть сигналом преждевременной развязки, подобно тому как было в 1853г. посольство кн. Меншикова.

Когда я выходил из кабинета государева, мне показалось, что он счистил резиной свою резолюцию на телеграмме. Я поспешил домой, чтобы приготовить бумаги к отправлению с фельдъегерями в Петербург и на Кавказ. Начальнику главного штаба посылаю длинное письмо, в котором извещаю его о современном положении дел и тех предположениях, которые следует принять в основание при разработке в Главном штабе планов на случай войны. - Спешу вписать это утро в свой дневник, собираясь сегодня же вечером отправиться в Керчь для осмотра крепости и решения на месте некоторых вопросов по приведению ее в оборонительное положение, в особенности относительно укладки подводных мин.

5-го сентября. Воскресенье. --- Сегодня утром возвратился из Керчи. Поездка эта совершилась весьма удобно и спокойно; в распоряжение мое был предоставлен пароход «Эльбрус», на котором я отправился из Ялты в пятницу, в 9 ч. вечера, а на другой день, в 8 ч. утра, вышел на пристань крепости Керчи. В течение всего дня, до наступления темноты, обходил и объезжал крепостные верки, произвел смотр расположенным в лагере крепостным батальонам, смотрел укладку подводных мин, а к 5

часам пригласил на совещание в квартиру строителя крепости инженерного ген.-м. Седергольма начальников разных отделов управления крепостного и частей войск. Я высказал им, как необходимо в настоящее время быть вполне готовым к ежеминутному появлению турецкого флота в Черном море и для того принять ныне же самые энергичные меры; указал им, как мало еще сделано в этом отношении в крепости, какие именно распоряжения наиболее необходимы, и предложил немедленно по отъезде моем собраться на совещание, под председательством коменданта ген.-м. Олохова, чтобы составить подробную ведомость всем таким мерам, и прислать эту ведомость ко мне для надлежащих с моей стороны распоряжений. В 8 ч. вечера было другое совещание на пароходе «Эльбрус» с лицами, составляющими минную комиссию: ген.-л. Вансовичем, контр-адм. Пилкиным, полк. Боресковым, кап. 1 р[анга] Казнаковым, кап. 2 р[анга] Дьяковым и подполк. Афанасьевым. При этом присутствовал и ген.-м. Седергольм. Обсудив составленные комиссией предположения относительно скорейшей укладки, в случае надобности, мин в Керчи, Севастополе, Балаклаве и Очакове, мы условились насчет плана дальнейших действий по этому предмету. По окончании совещания некоторые из названных лиц возвратились в Керчь, а прочие вместе со мной отправились на «Эльбрус», который снялся в 10 ч. вечера.

Поездка моя в Керчь убедила меня в необходимости поездок и в другие пункты черноморского берега: Очаков с Николаевом и Севастополь. Я ужаснулся, увидев, как мало думали начальства инженерное и артиллерийское о готовности приморских крепостей к обороне и о защите других неукрепленных пунктов так, как будто у них не было и помышления о том, что неприятельский флот может появиться внезапно пред нашими берегами и что на море мы не имеем ни одного военного судна. При таком положении на море едва ли благоразумно быть слишком задорными.

Приехав сегодня утром в Ливадию, я видел государя при выходе его из церкви; он спросил меня, доволен ли я своей поездкой, но я ответил коротко, что должен доложить подробно; государь⁵ ничего на это не сказал; видимо, его мало интересуют подробности наших приготовлений на случай войны; он озабочен

⁵ не полубопытствовал

лишь ходом политических дел, как кажется, не очень удовлетворительным. Из Константинополя получено известие, будто Англия потребовала от турок, взамен месячного перемирия, приостановки наступательных действий на 10 дней. Такое требование похоже на насмешку; однакож наши дипломаты ободрились. Тем не менее все заметили сегодня, что государь едва мог выстоять обедню; он имел вид болезненный и утомленный.

6-го сентября. Понедельник. — Наши дипломаты так успокоились известием, привезенным от сэра Генри Эллиота племянником его, командиром парохода «Антилопа», что уже начинают строить проекты о действиях на Черном море и в Турции модно с англичанами. Ген. Игнатъев предложил даже допустить английский флот в Босфор, с тем только, чтобы сделать возможным отправление части наших войск морем, на пароходах Товарищества, в Варну или Бургас, пока другие войска пойдут сухопутно на Дунай. Государственный канцлер с обычной своей легкостью пообразил себе, что для занятия Болгарии достаточно послать одну бригаду!

Верно только то, что общественное мнение в Англии произвело сильное влияние на образ действий великобританского кабинета. При всем том я сомневаюсь, чтобы Дизраэли (новый граф Биконсфильд) вдруг сделал полный *volte - face* и вступил в союз с ними против Турции. Думаю, что благоразумнее и осторожнее для нас продолжать готовиться к войне с Турцией без союзников, а для этого не оставляю своих забот о нашем Черноморском побережье. Сегодня я имел у государя специальный доклад по этому предмету, подробно изложил ему все, что нашел в Керчи, какие распоряжения сделал и какие еще считаю нужным сделать неотлагательно, — а также и о других прибрежных пунктах. Государь все одобрил, все разрешил, хотя слушал как-то рассеянно, без особенного внимания. Видно было, что в мыслях у него совсем другое. Его⁶ встревожило новое сумасбродство Черняева, который вздумал провозгласить князя Милана королем сербским. Если Милан примет этот титул и объявит себя совершенно независимым от Порты, то этим станет разрез с нынешним направлением политических переговоров; этот эпизод крайне затруднит нашу дипломатию. Соглашаясь на восстановление для Сербии *status quo ante belfurn* и добиваясь этого

⁶ особенно как-то

скромного условия, вопреки нахальным требованиям Порты унижить Сербию, мы могли еще рассчитывать на содействие в этом деле других держав; теперь же условие это уже покажется низвержением Сербии, отнятием у нее того, что она уже присвоила себе. — Тем не менее мне кажется, что государь придает слишком большую важность безумной затее Черныяева; государь даже сказал мне, что предвидит намерение Черныяева свергнуть кн. Милана и провозгласить республику, приготовляя себе звание президента. — Большую часть дня провел я за бумагами; Сделав все распоряжения касательно Керчи и приготовив завтрашний мой доклад по текущим делам, намереваюсь завтра же, после доклада, отправиться снова на пароходе «Эльбрус» в Очаков, Николаев и Севастополь.

10-го сентября. Пятница. — В прошедший вторник, при докладе государю, был разговор о современных политических делах. По окончании же доклада государь приказал мне остаться вместе с кн. Горчаковым, чтобы выслушать составленный им проект письма к австрийскому императору.⁷ В письме ставится категорически вопрос о дальнейших планах Австрии: хочет ли она идти заодно с нами, на основании английских предложений, и ввести свои войска в Боснию, когда мы введем свои в Болгарию, а союзный флот вступит в Босфор? Тон письма твердый, хотя дружественный.⁸ Предполагается послать письмо с ген.-ад. графом Сумароковым-Эльстоном, которого приказано вытребовать по телеграфу из Харькова. Кн. Горчаков и слышать не хочет о командировании Игнатьева, которого Андраши считает личным своим врагом.

После доклада, покончив со всеми бумагами, я отправился в 2 часа пополудни на «Эльбрус», на котором в течение трех дней совершил предположенную поездку в Очаков, Николаев и Севастополь. В Очакове, куда прибыл в среду в 8 ч. утра, я нашел ген.-ад [бютанто] в Семеку и Аркаса с инженерами, артиллеристами и моряками; мы осмотрели места для батарей и минных

⁷ Редакция очень хороша

⁸ Первоначальный текст после слов «...а союзный флот вступит в Босфор?»: «В противном случае угрожается Австрии положением, враждебным с нами. Тон решительный, хотя и в дружественной форме; но не знаю, какие материальные средства имеем мы, чтоб привести наши угрозы в исполнение?»

заграждений, потом поднялись по Бугу до батарей пред Николаевом, производили стрельбу с одной из них; затем, оставив моряков в Николаеве, мы с ген.-ад. Семенкой пошли обратно в Очаков и оттуда в Севастополь. Туда пришли в четверг, в 11 ч. утра, осмотрели «Поповку», места, предназначенные для минных заграждений и для постройки новых батарей. Сговорившись обо всех подробностях, я расстался с ген. Семенкой и возвратился в Ливадию около 8-ми часов вечера.

Здесь нашел я массу бумаг; сегодня утром докладывал их государю; при этом опять были разговоры о политике: о двуличности Австрии, о ненадежности английского кабинета; была речь о мобилизации войск в некоторых округах. После доклада поехал в Орианду к кн. Горчакову. Вместе с Игнатьевым пробовал я снова объяснить нашему канцлеру, что при ведении дипломатических дел, особенно когда они принимают такой острый характер, как теперь, не может он пренебрегать условиями военными и игнорировать материальные средства для ведения войны. Но все старания наши вразумить его остались напрасными; он не хотел вникнуть в наши объяснения, горячился и твердил свое, — что все это детали, до него не касающиеся. Гр. Сумароков-Эльстон уже приехал, получил инструкции и завтра отправляется отсюда чрез Одессу в Вену.

Государь сказал мне, что завтра я могу съездить к своей семье, если до утра не будет получено ничего нового, что могло бы задержать меня. — Сегодня был большой обед во дворце. Государь и императрица вчера и сегодня обедали за общим столом. Императрица поправилась в здоровье, но похудела и постарела. Вечером герцог Эдинбургский с пр[инцем] Баттенберг (сыном пр[инца] Александра Гессен-Дармштадтского) и адъютантом отправился на пароходе «Антилопа» в Безикскую бухту.

15-го сентября. Среда. — Прошлые субботу, воскресенье и часть понедельника провел спокойно в своей семье, в Симеисе. По возвращении в Ливадию узнал, что последние известия из Лондона были неблагоприятны; британский кабинет, подавший было хорошие надежды на сближение с русской политикой, опять колеблется и потакает мерзостям константинопольским.

Вчера, во вторник, при докладе государю, я испросил разрешение сообщить министру финансов о настоящем положении

дел, дабы он мог приготовить финансовые средства на тот случай, если б мы были вынуждены мобилизовать войска.

Вчера же утром приехал с Кавказа начальник окружного штаба ген.-м. Павлов, присланный великим князем Михаилом Николаевичем для словесного разъяснения некоторых вопросов по настоящему положению дел и по сосредоточению войск на кавказско-турецкой границе. Павлов способный и прекрасный офицер⁹. Я представил его государю по окончании обедни и потом имел с ним продолжительные совещания.

Сегодня утром государь выслушал доклад ген.-м. Павлова, в присутствии посла ген.-ад. Игнатьева и моем. Давнишняя мысль Игнатьева — что в случае разрыва с Портой самое больное ее место — Азиатская Турция и что потому наши главные наступательные действия должны быть направлены из Закавказья. Поддерживая настойчиво эту мысль, Игнатьев постоянно оказывал усердную помощь кавказскому начальству в собирании точных сведений об этом театре войны. И теперь он с любовью, как к детищу своему, ободряет кавказское начальство в его планах наступательных действий, хотя бы даже с неприведенными еще на военное положение войсками. Результатом нашего доклада было высочайшее разрешение на первый раз усилить запряжку артиллерии и обозов, о чем и посылаю с тем же Павловым уведомление главнокомандующему Кавказской армией. Все сделанные им распоряжения о сосредоточении и расположении войск на границе утверждены государем. Кроме того, в собственноручном ответе своем на собственноручное...

18-го ноября. Пятница. — Вчера приехал мой сын из Рушукского отряда; он привез словесные объяснения бывшего 14-го числа боя у Мечки и Тростеника. Говорят, что турки атаковали в числе до 40 таборов и оставили на поле сражения от 1 500 до 2 000 тел. Но замечательно, что почти все начальство, не исключая и самого корпусного командира, не участвовало в деле: все были за завтраком в Брестовце у наследника цесаревича, по случаю дня рождения цесаревны, — и прискакали на место боя только к концу.

⁹ это не то, что интриган Свистунов

Получено сведение, будто турки отошли от Берковицы за Балканы, также очистили Лом-Паланку, которую и заняли румыны. С нетерпением ожидаем известий от ген. Гурко.

20-го ноября. Воскресенье. — От Гурко получены сведения, что турки не только отступили от Берковицы, но очистили и Орханию. Части гвардии вышли по дороге от Этрополя на Стриглу и заняли перевал чрез Балканы, угрожая отступлению неприятельских войск, занимавших Орханию. Передовые наши разъезды нигде не встречали турецких войск по сю сторону Балкан. Между тем сегодня утром государь получил телеграмму от главнокомандующего о том, "что вчера вечером замечены были какие-то движения турок к стороне Вида. Ночью и утром слышны были громче и чаще обыкновенного выстрелы наших батарей."¹⁰ Государь¹¹, занятый мыслью, что Осман-паша намерен пробиться сквозь наши линии, приказал, идя к обедне, приготовить экипажи для поездки в Богот. Однакож выстрелы утихли, и поездка была отменена.

24-го ноября. Четверг. — Во вторник вечером, когда все разошлись уже по домам на покой, пришло тревожное известие, что турки в больших силах наступают частью по осман-базарской дороге, частью от Боброва на Елену и на Златорицу; что князь Мирский, с слабым отрядом впереди Елены, окружен с трех сторон и не может держаться. На беду телеграфное сообщение с Тырновом прервано.

Положение опасное. Резервов нет. Однакож наследник цесаревич уже сделал распоряжение о передвижении войск 12-го и 13-го корпусов вправо, на подкрепление 11-го корпуса, которым временно командует ген.-л. Деллинггаузен, за болезнью кн. Шаховского. Из Тырнова послана на подкрепление кн. Мирского стрелковая бригада.

Само собой разумеется, что плохо спалось в ночь с 22 на 23-е число. На другой день, т. е. вчера, все утро прошло без известий со стороны Тырнова. Только к вечеру получена телеграмма, что

¹⁰ Первоначальный текст после слов «... замечены были какие-то движения турок к стороне Вида.»: «Случайно это известие {совпало с другими сведениями о том, будто ночью и утром слышны были громче и чаще обыкновенного выстрелы наших батарей».

¹¹ вообразил себе

турки возобновили настойчивые атаки, что Якутский полк едва держится у Златорицы, а Мирский отступил от Елены на укрепленную позицию у Яковицы, что войска наши понесли уже сильные потери. Однакож подкрепления подходят.

Только сегодня наконец мы успокоились: по донесениям Деллингсгаузена, турки окончательно отбиты и, угрожаемые с фланга, начали быстро отступать к Боброву. Таким образом, и на этот раз попытка Сулеймана-паши прорвать нашу оборонительную линию — не удалась.

С другой стороны ген. Гурко доносит, что занял высоты, с которых обстреливает позицию Мехмета - Али у Араб-Конака, т. е. на южном спуске Балкан. Колонна, посланная от Этрополя по дороге к Златице, также заняла южный спуск с гор.

Дезертиры из Плевны продолжают показывать, что бежали от голода, что в последние дни еще убавили дневную порцию хлеба и перестали выдавать мясо. Один из выбежавших уверяет даже, будто Осман-паша объявил своим войскам, чтобы потерпели еще только до мусульманского праздника курбан-байрама: если до того времени не получают помощи извне, то сами пробьются сквозь наши линии.

Сегодня утром, когда я пришел с докладом, государь сказал мне, что Нелидов возвратился из Бухареста и привез от кн. Горчакова проекты писем к императорам Вильгельму и Францу-Иосифу, с приложением статей, на основании которых Россия могла бы согласиться открыть переговоры о мире. Государь прочел мне эти проекты и сказал, что после завтрака намерен еще раз прочитать их в присутствии Нелидова. Между тем приехал и Игнатъев, участвовавший в совещаниях в Бухаресте и в составлении означенных проектов. Предварительно государь позвал в кабинет одного Нелидова и спросил его, в каком настроении нашел он канцлера. Нелидов откровенно отвечал, что нашел канцлера почти в детском состоянии, что он сначала даже вовсе не хотел входить в существо дела, порученного Нелидову, и что проекты были редактированы втроем: бароном Жомини, Игнатъевым и Нелидовым.

После завтрака происходило совещание. Кроме Нелидова и меня, присутствовали Игнатъев, гр. Адлерберг и Гамбургер. Привезенный Нелидовым проект мало отличался от составленного им первоначально. Государь одобрил с некоторыми весьма

незначительными редакционными поправками и приказал приготовить все к отправлению с ген.-ад. Рейтерном, который проедет в Берлин чрез Вену.

Погода опять испортилась: утром сильный туман, а потом стало моросить и пошел дождь; на дорогах опять страшная слякоть.

26-го ноября. Суббота. — Бой под Еленой еще не совсем прекратился¹². Еще вчера слышна была перестрелка на яковицкой позиции. Полученные вчера телеграммы навели снова грустное настроение: только теперь узнали, что в бою 22 числа кн. Мирский потерял 11 орудий и гораздо более людей, чем прежде полагали.

С другой стороны Гурко держится на позиции пред Араб-Конаком, имея пред собой, по-видимому, главные силы Мехмета-Али.

На нынешний день готовилось торжество на высотах у Ридишева по случаю праздника ордена св. Георгия. Приказано было все приготовить к завтраку на обычном месте, в редуте, названном в шутку «Закусочным» редутом. Однакож, к общему удовольствию, это неуместное торжество было отменено по случаю дурной погоды и страшной грязи. Тем не менее день св. Георгия мы все-таки отпраздновали завтраком в общей (столовой) палатке, с тостами и криками «ура».¹³ К обеду были приглашены князь Карл и все штичные георгиевские кавалеры, которые сидели за столом на почетных местах.

27-го ноября. Воскресенье. — Утром, как обыкновенно, были у обедни в деревенской церкви. Сегодня ген.-ад. Рейтерн уехал в Берлин чрез Вену с письмами государя к обоим императорам, с заявлением основных условий, на которых, при желании Порты заключить мир, могли бы быть ведены переговоры.

После завтрака государь пригласил к себе в кабинет ген. Обручева и меня, чтобы узнать его взгляд на предстоящий образ действий на здешнем театре войны. Все согласны в том, что после падения Плевны лучший для нас путь наступательных действий будет от Софии на Филиппополь и т. д.; но мнение Обручева расходилось с нашим, когда вопрос коснулся настоящего момента войны. Он находит, что генералу Гурко следует продолжать наступление за Балканы, чтобы нанести поражение Мехмету-Али-

¹² как мы полагали.

¹³ К завтраку был приглашен и принц Карл румынский.

паше. Государь и я того мнения, что Гурко не довольно силен, чтобы предпринять самостоятельные наступательные действия за Балканы, пока держится еще Плевна и пока мы не можем считать вполне обеспеченным наш правый фланг со стороны Берковицы или Видина.

Положение дел около Елены вовсе не успокоительно. В течение вчерашнего и нынешнего дня известия от Деллингсгаузена заключались только в том, что «все спокойно», — т. е. что наши войска продолжают стоять на своих позициях у Яковицы и Златорицы, лицом к лицу с турками, по временам перестреливаясь с ними. Такое положение, в нескольких часах расстояния от Тырнова, не может долго продолжаться. Турки по всем вероятностям укрепляются, поджидая подкреплений; мы же не можем уже ничем подкрепить войска на этих пунктах. Наследник цесаревич, отделив вправо все, что было возможно из войск Рущукского отряда, доносит, что с остающимися у него войсками растянутая позиция занята очень слабо и что он считает свое положение не безопасным.

Авось дурная погода и невылазная грязь опять помешают туркам продолжать энергически начатое наступление.

28-го ноября. Понедельник. — Наконец дожили мы до счастливой развязки нашего долгого и томительного выжидания — падения Плевны! Повсюду слышны возгласы «ура»!

Рано утром получена была из Богота телеграмма о том, что, по слухам, Осман-паша намерен сегодня прорваться сквозь наши линии, а вслед затем пришло известие, что турки устраивают переправы чрез Вид, что в течение ночи они очистили главные свои редуты — Кришинский и на северном фронте. Немедленно государь собрался ехать на позицию. Приехав на обычное место¹⁴; на редут, увидели мы, что все наши войска, занимавшие линию блокады, уже двинулись вперед; Кришинский редут занят нами; продолжавшаяся все утро пальба прекратилась. Из телеграмм, приходивших одна за другой с разных пунктов на главную станцию полевого телеграфа, узнали, что Осман-паша, действительно, перешел было за Вид и сильно атаковал гренадер, но был отбит и отброшен обратно на Плевну. Государь сел верхом и выехал вперед на высоты, с которых Плевна выказалась как на ладони; нигде уже не слышно было перестрелки.

¹⁴ (так называемый «Закусочный» редут)

Нетерпеливо ожидая более обстоятельных известий, государь возвратился на прежнее свое место, на редут, куда направлялись один за другим желанные вестники. Первым прискакал флиг.-ад. Милорадович; запыхавшись, в сильном волнении, он рассказал, как проехал чрез Плевну, что там видел и слышал; после него приехал с северной стороны ген.-м. кн. Витгенштейн, а за ним полк. Моравский, рассказавший, как он сам был очевидцем сдачи раненного Османа-паши, со всей его армией, генералу Ганецкому.¹⁵ По мере того как разъяснялось дело, все лица также прояснялись; все¹⁶ ободрилось, поздравляли государя с счастливым концом. Сам государь, как будто помолодел, тут же поздравил князя Витгенштейна генерал-адъютантом, а Моравского — флигель-адъютантом.

Когда еще мы ехали верхом к редуту, государь подозвал меня и очень любезно, протянув мне руку, спросил: «А кому обязаны мы, что не бросили Плевну и теперь овладели ею? — Кто 31-го августа, после неудачных атак, подал первый голос против отступления?»¹⁷

**Н.П. Игнатьев и его
«Походные письма 1877
года»**

3 марта 1998 г. болгарский народ отметил 120-летие своего освобождения от пятивекового османского ига. 19 февраля (3 марта). 1878 г. в местечке Сан-Стефано близ Константинополя был подписан мирный договор

¹⁵ Первоначальный текст после слов «...что там видел и слышал;»: «после него приехал ген.-м. кн. Витгенштейн, бывший на северной стороне, а потом полк. Моравский, рассказавший, как он сам, вместе с ген. Ганецким, был у Османа-паши, сдавшегося безусловно со всей его армией и раненного».

¹⁶ развеселились и поздравляли государя

¹⁷ Я несколько смутился от такого неожиданного вопроса;

между Россией и Турцией, согласно которому создавалось Болгарское национальное государство. От лица России свою подпись под ним поставил бывший российский посол в Турции Николай Павлович Игнатъев. В Болгарии чтут память Игнатъева, его именем названа одна из центральных улиц Софии. На протяжении своей дипломатической и общественной деятельности Игнатъев неизменно отстаивал интересы болгарского народа. Он содействовал созданию самостоятельной болгарской церкви, независимой от греческой константинопольской патриархии, последовательно выступал за автономию славянских провинций Османской империи, за независимость Сербского и Черногорского княжеств.

Н.П. Игнатъев был одним из выдающихся дипломатов 50-70-х годов XIX в. Более 20 лет он отдал дипломатической деятельности. С его именем связаны многие яркие страницы истории внешней политики России, в том числе установление дипломатических и торговых сношений с Бухарой (1858 г.), заключение Пекинского договора с Китаем (1860 г.), Сан-Стефанский договор (1878 г.), провозгласивший независимость Сербии, Черногории и Румынии и создание Болгарского автономного княжества.

Н.П. Игнатъев родился 17 января 1832 г. в Санкт-Петербурге. Его отец — Павел Николаевич Игнатъев — занимал ответственные государственные посты: был директором Пажеского корпуса, Санкт-Петербургским генерал-губернатором, в 70-х годах — председателем Комитета министров. Н.П. Игнатъев с блеском закончил Пажеский корпус, а затем Академию Генерального штаба, получив при окончании последней большую серебряную медаль. Во время Крымской войны он находился в так называемых образцовых войсках, размещенных на прибалтийском побережье для его охраны и возведения там укреплений. После войны он был назначен военным агентом в Лондон. Одновременно в качестве военного эксперта участвовал в определении новой границы на юге России после отторжения от нее Южной Бессарабии. По настоянию Игнатъева удалось оставить за Россией территории с русским и болгарским населением (Белград и др).

Находясь в Лондоне, Игнатъев основательно изучил историю Англии, ее внешнюю политику, состояние ее колоний. Пристальное внимание его привлекла английская экспансия в

Малой Азии, на Аравийском полуострове, в Афганистане. Именно в это время Игнатъев окончательно утвердился во мнении, что Англия является главным врагом России и что, нанеся ей удар в ее азиатских колониях, Россия смогла бы успешно решить свои задачи на Балканах.

В 1857 г. Игнатъев вернулся в Петербург, где целиком отдался среднеазиатским делам. После крымского поражения Россия усилила внимание к Средней Азии, поставив задачу укрепления своих позиций в этом важном в стратегическом и экономическом отношении регионе. В 1858 г. в Среднюю Азию были отправлены три экспедиции с политическими и научными целями. Одной из них — во главе с Игнатъевым — удалось установить дипломатические отношения с Бухарским ханством и добиться благоприятных условий для русской торговли. Вскоре возведенному в чин генерал-майора Игнатъеву было дано другое ответственное поручение — определить русско-китайскую границу на Дальнем Востоке и добиться ратификации Китаем Айгуньского договора 1858 г., согласно которому Россия получала левобережье Амура. Эта задача была блестяще выполнена молодым дипломатом. По подписанному в ноябре 1860 г. Пекинскому договору в Приморье была определена русско-китайская граница, и к России отошла обширная территория до рек Уссури и Сунгача и оз. Ханка. Для русских торговцев в Китае предоставлялись существенные привилегии.

Правительство высоко оценило заслуги Игнатъева. В 28 лет он стал генерал-адъютантом, был награжден орденами Станислава и Владимира. За ним установилась прочная репутация способного дипломата. Игнатъева отличали инициатива и решительность, что ярко контрастировало с действиями большинства дипломатов николаевского времени, нерешительных и безынициативных, не желающих брать на себя какую-либо ответственность. Вскоре он был назначен директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел, а в 1864 г. — посланником (с 1867 г. — послом) в Константинополь.

Балканское направление в 50—70-х годах XIX в. было определяющим во внешней политике России. Капиталистическое развитие страны требовало расширения выхода на мировые рынки, и в связи с этим особое значение приобретала проблема черноморских проливов, имевшая также и стратегический аспект.

Еще в бытность директором Азиатского департамента, Игнатъев выработал свое видение российской политики на Балканах. Главной ее задачей он считал восстановление позиций России, утраченных после Крымской войны. Для этого надо было отрешиться от приоритета принципа защиты православия и перейти к поддержке национально-освободительных стремлений балканских народов. Игнатъев был решительным сторонником создания на Балканах независимых национальных государств при поддержке России. По его мысли, эти государства должны были стать опорой России в этом регионе. Конечной же целью, полагал он, оставалось решение в интересах России проблемы проливов, ведь последние при известных условиях могли быть открыты султаном для военного флота враждебных России держав, что создавало угрозу южному побережью страны.

Игнатъев не исключал возможности прямо договориться с Турцией об изменении режима проливов в пользу России, а в случае сопротивления этому европейских держав допускал даже захват проливов¹. Вкратце свою программу он выразил в следующих словах: «Господство России в Царьграде и особенно в проливах, независимость славян в союзе и под покровительством России по мнению каждого истого патриота выражает необходимое требование исторического призвания развития России»².

Эта идея разделялась многими деятелями российского консерватизма, в том числе и славянофилами. Как и они, Игнатъев свято верил в то, что историческая миссия России состояла в собирании славянских земель и ограждении их от агрессии других европейских держав. «В видах ограждения будущности России я считал необходимым, чтобы славянское знамя было исключительно принадлежностью русского царя и чтобы отнюдь не допускать усиления влияния никакой другой державы, в особенности же Австро-Венгрии, на Балканском полуострове», — писал он³. Игнатъев считал необходимым развивать в славянах чувство преданности императорской России с тем, чтобы славянские земли на Балканах служили бы «для нас полным обеспечением для наших

¹. Йодов Д. Граф Игнатъев и наше то освобождение. София, 1938., с.,46.

². Игнатъев Н.П. После Сан-Стефано. Пг.,1916.,с.107.

³. Игнатъев Н.П. Записки // Исторический вестник. 1914., № 1., с. 55.

оборонительных или наступательных продвижений на юге»⁴. В национально-освободительном движении балканских народов он видел прежде всего орудие ослабления Турции и осуществления внешнеполитических задач России, хотя не был чужд и гуманным целям.

Уже в начале 60-х годов Игнатьев сформировался как дипломат, поддерживающий принципы так называемой «национальной» внешней политики. Ее сторонники требовали активизации и самостоятельности действий России на международной арене, возрождения ее внешнеполитического могущества. Эти идеи разделяли такие видные государственные деятели, как военный министр Д.А. Милютин, председатель Комитета министров П.П. Гагарин, дипломаты А.И. Нелидов, А.С. Ионин, П.А. Сабуров, генералы Р.А. Фадеев, М.Г. Черняев, Н.Н. Обручев, публицисты М.Н. Катков, И.С. Аксаков и многие другие.

Руководство Министерства иностранных дел во главе с министром А.М. Горчаковым придерживалось иных позиций во внешней политике, предпочитая действовать осторожно и в согласии с европейскими кабинетами. Слишком свежа была память о коалиции держав в период Крымской войны. Путь выхода России из международной изоляции виделся руководителям российской внешней политики в союзе с Германией и Австро-Венгрией, что вызывало резкие протесты национал-патриотов.

Противостояние позиций Игнатьева и руководства Министерства иностранных дел стало очевидным вскоре по приезде его в Константинополь. Направляя туда молодого дипломата, Горчаков рассчитывал, что тот будет придерживаться осторожного курса и действовать в рамках «европейского концерта». Усиление политического влияния России на Балканах не должно было, по мысли Горчакова, сопровождаться народными восстаниями и иными социально-политическими катаклизмами. Это могло привести к распаду Османской империи, плодами чего в первую очередь воспользовались бы европейские державы.

В Константинополе Игнатьев, благодаря своей энергии и предприимчивости, вскоре занял заметное место в

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 730 (Игнатьев Н.П.)
Оп. 1. Д. 587. Л. 1.

дипломатическом корпусе и завязал близкие знакомства с видными европейскими дипломатами — Э. Дерби, Р. Солсбери, Ф. Зичи и другими. Он постарался завоевать симпатии и ряда турецких министров и, главное, самого султана Абдул-Азиса и его сына принца Иззетдина. Вскоре турки стали называть его первым после султана лицом в империи, всесильным «московским» пашой. «Турецкие министры его боялись и были у него в руках», — вспоминал дипломат Ю.С.Карцов⁵. Игнатъев принимал активное участие в решении многих политических проблем Балкан, стремясь отстаивать интересы России и балканских народов.

50—70-годы XIX в. характеризовались бурной политической жизнью в Балканском регионе, что было связано с усилением национально-освободительных процессов и стремлением балканских народов к политической независимости. Образование Румынии, создание Балканского союза, восстание греческого населения о. Крит, движение за независимость болгарской церкви, восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г., в Болгарии в 1876 г. — Игнатъеву приходилось вести сложные дипломатические переговоры в связи с этими событиями, организовывать помощь населению и беженцам. Он неоднократно выступал в поддержку требований борющихся за свою независимость народов. Однако ввиду противодействия европейских держав и осторожной политики российского МИД его инициативы не реализовывались.

Крупной дипломатической победой Игнатъева явилось решение Константинопольской конференции послов европейских держав (декабрь 1876 — январь 1877 г.). Конференция потребовала от Порты предоставления автономии христианским провинциям Османской империи. Отказ султана принять это требование предопределил объявление Россией войны Турции.

В первый период русско-турецкой войны — до начала сентября 1877 г. Игнатъев находился в императорской Главной квартире (ставка), дислоцировавшейся вначале в Румынии, а после перехода в середине июня русскими войсками Дуная — в Болгарии. Русское командование ожидало, что Турция, ввиду превосходства России в военной силе, не сможет долго сопротивляться и

⁵ Карцов Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т. 133. С. 91.

обратится с просьбой о мире еще до наступления осени. Игнатъев был вызван в Главную квартиру для подготовки и проведения переговоров о мире. Однако вопреки ожиданиям после первоначальных успехов русские встретили неожиданное сопротивление турок, сумевших перебросить в Болгарию крупные силы из западных провинций. Неудачные штурмы крепости Плевна в июле и августе опрокинули первоначальные планы. Война затягивалась, и русскому командованию уже пришлось думать о ее завершении на более или менее почетных условиях, но менее выгодных.

Находясь более трех месяцев в императорской Главной квартире, Игнатъев, помимо дежурств при императоре, не имел других определенных занятий. Он выполнял отдельные поручения: вел переговоры с различными иностранными делегациями, беседовал с дипломатическими агентами европейских держав, встречался с иностранными корреспондентами. Его кипучая, жаждавшая деятельности натура не могла мириться с не востребованностью, пассивностью существования, тем более, когда рядом разворачивалась драма войны. Однако Игнатъев, похоже, не стремился к участию в военных действиях, он не имел никакого военного опыта, тем более в командовании крупными боевыми соединениями. Мелькнувшая было у Д.А. Милютина мысль поручить Игнатъеву дивизию или корпус осталась нереализованной.

Игнатъев имел много времени для наблюдений и размышлений, тем более, что он, будучи в центре событий, располагал сведениями о ходе военных действий на различных участках фронта. Как хорошо знакомому с историей различных военных кампаний, к тому же знавшему местные условия, ему с особой ясностью были видны стратегические и тактические ошибки командования, благодаря которым план «молниеносной» войны — быстрого похода на Константинополь и разгрома турок — был сорван. Затягивание войны делало пребывание Игнатъева в армии бесцельным, к тому же ухудшившееся после тяжелой болезни состояние здоровья побудило его вернуться в начале сентября в Россию. Но через два месяца он вновь был вызван в Главную квартиру.

К началу зимы положение на балканском театре военных действий изменилось в пользу русских. Осада Плевны, измученный

гарнизон которой терял последние силы, близилась к концу. Горные проходы Балкан удалось отстоять от турок. Армия готовилась к переходу через Балканы, и на ее пути не было сколько-нибудь значительных сил противника. Командование Действующей армии, ожидая обращения турок о мирных переговорах, решило разработать условия мира и сообщить их главам союзных держав — Германии и Австро-Венгрии. Для этого требовались опытные дипломаты. В середине ноября Игнатъев вновь приехал в Болгарию. Он был свидетелем падения Плевны, о чем красочно рассказал в письмах к жене.

Составив краткие наброски условий мира и получив одобрение Александра II, Игнатъев в начале декабря вернулся в Россию, где работал над более подробным проектом текста мирного договора. Написанный им документ по своему содержанию отличался от решений Константинопольской конференции. Военные победы окрылили командование. Основными статьями предварительного проекта явились решения о предоставлении независимости Сербии, Черногории и Румынии, а также создание Болгарского княжества на условиях политической автономии. Административная автономия предполагалась и для Боснии и Герцеговины. В проекте договора отчетливо просматривалась мысль о том, что балканские государства должны обладать не только политической, но и экономической независимостью, дававшей им возможность противостоять австрийской экономической экспансии. Составленный Игнатъевым проект был в начале января обсужден на совещании у царя и одобрен, впоследствии он лег в основу Сан-Стефанского мирного договора. И хотя Берлинский конгресс, состоявшийся в июне 1878 г., пересмотрел и урезал ряд важных решений, принятых в Сан-Стефано, все же он вынужден был согласиться с образованием на Балканах независимых Сербии, Черногории и Румынии, а также Болгарского княжества (Северной Болгарии). Южная Болгария получила административную автономию. В 1885 г. обе части разделенной Болгарии соединились.

Берлинский конгресс поставил точку на дипломатической карьере Игнатъева. Общественные круги России выступили против берлинских решений. Игнатъева порицали за то, что он, подписывая Сан-Стефанский договор, не учел обстановку в Европе и превысил свои полномочия. Царь и Горчаков, одобрявшие в свое время

проект договора, не выступили в защиту дипломата, обрекая его на роль «козла отпущения». Игнатьеву, конечно, можно поставить в вину тот факт, что он не учел возможного сопротивления европейских держав русским требованиям в полной мере. Для него в целом была характерна переоценка сил России и недооценка противника. Кроме того, будучи длительное время за пределами России, он не сознавал серьезной опасности фактора ее внутренней дестабилизации. Однако он действовал с санкции Петербурга, где допустили серьезный дипломатический просчет, полагаясь на поддержку союзных держав.

Александр III, благоволивший к Игнатьеву, вернул его на государственную службу, назначив сначала министром государственных имуществ, а затем министром внутренних дел. Однако на последней должности Игнатьев пробыл недолго: император не одобрил его план созыва совещательного Земского собора.

С 1882 г. Игнатьев хотя и занимал почетную должность члена Государственного совета, но фактически был отстранен от государственной службы. Он отдался общественной деятельности, среди которой следует отметить его пребывание на посту председателя Петербургского славянского благотворительного общества. Он много работал над своими воспоминаниями, большая часть которых увидела свет уже после его смерти в 1908 г.⁶ Период пребывания Игнатьева на посту посла в Константинополе и его деятельность во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. освещены в них достаточно полно. Однако пребывание Игнатьева в 1877 г. в Болгарии во время войны не нашло отражения в мемуарах дипломата. Этот пробел восполняется письмами Игнатьева к жене, в которых он обстоятельно рассказывает обо всем, что видел и о чем размышлял. Эти письма по сути являются дневником дипломата, так как содержат подневную летопись событий — рассказы о боевых действиях, о жизни императорской Главной квартиры, о разговорах с собеседниками. В них выражены мысли и

⁶ Игнатьев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897; его же. Поездка графа Игнатьева по европейским столицам перед войной 1877-1878 гг. // Русская старина. 1914. № 1-6; его же. Записки. 1864-1874. Пг., 1916; его же. Сан-Стефано. Пг., 1916.

чувства автора, тосковавшего вдали от семьи, любимых и близких. Игнатъев сам называет свои письма дневником. Возможно, он имел в виду использовать их впоследствии для написания воспоминаний или опубликования в каком-нибудь ином виде, что нередко тогда практиковалось. Например, широко известный исследователям дневник генерала М.А. Газенкампа, пребывавшего во время войны в Главной квартире Действующей армии, не являлся дневником в подлинном смысле слова, а представлял собой извлечения из писем автора к жене, пополненные служебными документами (Газенкампф М. Мой дневник. 1877—1878 гг. СПб., 1908. С. 1).

Глубокая содержательность и информативность писем Игнатъева, таким образом, может объясняться не только его стремлением подробно рассказать родным о ходе военных действий и всем, с ними связанном, но и намерением использовать письма позднее. Неизвестно, при жизни ли Игнатъева или уже после его смерти с писем была снята копия, возможно, с целью подготовки к печати. Однако они не были изданы. Можно предположить два варианта объяснений: большинство мемуаров Игнатъева было издано в период первой мировой войны, и до издания писем просто не могла дойти очередь, помешали революционные события. С другой стороны, следует обратить внимание на острую критическую настроенность автора, множество содержащихся в письмах обвинений в адрес военного командования, досадные замечания в связи с действиями лиц императорской фамилии, хотя в целом Игнатъев относился к ней с большим пиететом. Дипломат, человек весьма эмоциональный, не мог сдерживать своего негодования при виде безответственности и пассивности главнокомандующего и его штаба, множества ошибочных военных решений, бесполезной траты людских резервов и многих других просчетов. Вряд ли опубликование таких писем приветствовалось бы российскими национал-консервативными кругами.

Следует отметить, что Игнатъев по силе своих возможностей пытался как-то изменить существующее положение, он излагал свои соображения императору, ряду государственных и военных деятелей — Милютину, главнокомандующему вел. князю Николаю Николаевичу, начальнику штаба армии А.А. Непокойчицкому и другим. Но его предложения выслушивались и, за редким исключением, не принимались. Отводил душу он в письмах к жене, глубоко ему преданной и

разделявшей его взгляды. День ото дня письма принимали все более критический характер, а оптимизм, наполнявший их в начале войны, сменялся пессимизмом и отчаянием. Это заставляло Игнатьева опасаться, чтобы письма не попали в чужие руки. Он неоднократно указывал жене на опасность, грозившую ему в случае, если содержание писем делается известным (ведь почта нередко перлюстрировалась). Игнатьев старался поэтому отправлять и письма с фельдъегерской почтой, и отсюда то, казалось бы, излишнее внимание, которое он уделял своевременной доставке писем.

Адресат писем — Екатерина Леонидовна Игнатьева, урожденная княжна Голицына, стала женой дипломата незадолго до его назначения посланником в Константинополь. Это была очень красивая и умная женщина, ставшая верным другом и помощницей своего мужа. Она сумела поставить дом в Константинополе на широкую ногу, сделать его местом приемов и встреч дипломатов и приезжих европейских знаменитостей. Подчас приходилось ей исполнять обязанности секретаря мужа, как о том свидетельствует в одном из писем сам Игнатьев. По его совету она завязала приятельские отношения с женами других европейских дипломатов и поддерживала их послед отъезда из Турции.

У Игнатьевых было 7 детей (старший сын Павел умер в младенческом возрасте, этим же именем был назван третий сын, ставший в 1916 г. министром народного просвещения). Е.Л. Игнатьева была богата, ей принадлежало несколько имений, в том числе Круподерницы — в Казатинском уезде Киевской губернии. Там Игнатьевы любили проводить лето. Приезжая в Круподерницы во время летних отпусков, Игнатьев со страстью предавался сельскохозяйственным занятиям. Однако обширные проекты сельскохозяйственных преобразований, как правило, терпели крах, и жене, практической женщине, с трудом приходилось спасать положение.

В письмах Игнатьев уделяет большое внимание семье и хозяйству. Воспитание и обучение детей в семье требовали больших расходов. Да и содержание самого Игнатьева в Главной квартире обходилось недешево. Лица императорской свиты, к которой он был причислен, экипировались на свой счет и имели своих лошадей и обслугу. Игнатьев отправился в Болгарию с лакеем Дмитрием, кучером Иваном и конюхом Христо, со своими шестью

лошадьми, фургоном и коляской. От казны он пользовался только столом, да и то не всегда. Основной доход семьи Игнатъевых, как свидетельствуют письма, состоял в суммах от продажи сельскохозяйственных продуктов, выращенных в имении, а также от аренды имений, которые постоянно покупались и затем закладывались или сдавались в аренду. Со временем хозяйственная деятельность Игнатъева потерпела крах. Как свидетельствовал его племянник А.А. Игнатъев, «когда-то Николай Павлович был гордостью семьи, а закончил он жизнь полунинимом, разорившись на своих фантастических финансовых авантюрах. Владея сорока имениями, разбросанными по всему миру земли русской, заложенными и перезаложенными, он в то же время, как рассказывал мне отец, был единственным членом Государственного совета, на жалованье которого наложили арест»⁷.

Итак, письма Игнатъева открывают нам новую, доселе не известную сторону жизни выдающегося дипломата, в которой семья и дом играли значительную роль, являясь опорой во всех превратностях судьбы. Игнатъев предстает любящим и нежным мужем, отцом, баринном, трогательно заботящимся о своих слугах, помещиком, стремящимся стать рачительным хозяином.

Однако не в этом главная ценность писем. Хотя история русско-турецкой войны известна с достаточной степенью подробности, все же письма сообщают нам немало нового и о боевых действиях (в частности, о неизвестных эпизодах войны), о геройских подвигах солдат и офицеров, и о состоянии командования, и о положении во время войны болгарского населения, пользующегося неизменным сочувствием Игнатъева. Безусловный интерес представляет описание уклада жизни Главной квартиры императора. Находившийся там одновременно с Игнатъевым Д.А. Милютин тоже оставил подробный дневник, однако этой проблемы почти не касался. Между тем вопросы организации управления, связи, снабжения, наконец, быта на войне также играют немаловажную роль. Значительное внимание Игнатъев уделяет фигуре императора, во многом противоречивой и сложной. В течение 6 месяцев Александр II пребывал на балканском театре военных действий, в основном в качестве

⁷ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1948. С. 11.

наблюдателя. Его попытки принять участие в боях пресекались приближенными, опасавшимися за жизнь императора. В письмах Игнатьева царь выступает как человек, простой в общении с подчиненными, глубоко переживающий и радостные, и горестные известия, пытавшийся принести какую-то пользу, хотя бы посещая госпитали, и ищущий поддержки в беседах с солдатами и ранеными. Автор явно идеализирует царя, хотя и отмечает, что тот своим присутствием сковывал действия командования. В письмах содержатся характерные портреты других действующих лиц драмы, развернувшейся на Балканах — нерешительного главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича, апатичного начальника штаба Непокойчицкого, его бездарного помощника Левицкого, заведующего гражданскими делами В.А. Черкасского и других. Как дипломат Игнатьев уделяет значительное внимание своим сотоварищам по дипломатическому корпусу, иностранным представителям и корреспондентам, беседы с которыми, в особенности с англичанином Уэлсли, представляют большой интерес в плане понимания дипломатической стороны войны. Любопытны также сведения о российских дипломатах, принимавших непосредственное участие в боевых действиях и награжденных Георгиевскими крестами — А.Н. Церетелеве, С.С. Татищеве (впоследствии известном историке и публицисте). Однако о важнейших дипломатических сюжетах Игнатьев либо умалчивает, либо говорит вскользь, что могло быть вызвано соображениями секретности. Характерно, что говоря о цели своего приезда в Главную квартиру в ноябре, он зашифровывает текст. В письмах содержатся колкие замечания в адрес канцлера А.М. Горчакова и посла в Лондоне П.А. Шувалова, с осторожными действиями которых Игнатьев был не согласен. Неприязненное отношение к Горчакову он испытывал давно. Последний сдерживал все попытки самостоятельных действий Игнатьева еще в бытность его в Константинополе. Горчаков недолюбливал молодого и энергичного дипломата также и за то, что тот, как полагал канцлер, метит на его место. Недоброжелатели Игнатьева, в частности А.Г. Жомини, распускали соответствующие слухи. Ю.С. Карцев вспоминал: «Игнатьев был бельмом на глазу у Горчакова. Всякий

раз, когда он приезжал в Петербург, Горчаков говорил с раздражением: "Вы приехали, чтобы занять мое место?"⁸.

Обвинения, бросаемые Игнатъевым Шувалову и Горчакову, в сговоре с Англией были, конечно, беспочвенными. Оба дипломата придерживались осторожной политики, и последующие события показали, что для этого были серьезные основания.

В целом письма Игнатъева из армии — ценный эпистолярный источник, в котором образно и эмоционально запечатлены яркие эпизоды русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В то же время они представляют важный материал для характеристики одного из виднейших российских дипломатов второй половины XIX в., вписавшего замечательные страницы в историю внешней политики России.

* * *

Публикуемые письма хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в личном фонде Н.П. Игнатъева (ф. 730, д. 123). Их оригиналы не сохранились. Текст печатается по исправленной копии и передается в соответствии с существующими правилами издания документов. Сохранены языковые и стилистические особенности документов. Явные опiski и ошибки исправляются без оговорок. Сокращения раскрываются без оговорок, за исключением случаев, допускающих двоякое толкование. Отсутствующие в тексте слова вставлены по смыслу и заключены в квадратные скобки. Пропуски и неразборчивые места текста оговариваются под строкой. В подстрочных примечаниях текст составителя обозначается курсивом. Сохраняется авторская нумерация писем, обозначение даты и места написания. Имена и географические названия приведены согласно авторской транскрипции. К документам составлены примечания, именной и географический указатели.

⁸ Карцев Ю.С. Указ. соч., с., 90;

ПИСЬМА

№ 1

24 мая. Плоешти

Телеграмма моя, отправленная тотчас по прибытии на отведенную мне квартиру в Плоешти, известила вас, бесценная жинка, милейший друг мой Катя и добрейшая матушка, что я доехал цел и невредим до места назначения к Главной квартире Действующей армии. Не стану возвращаться к первым впечатлениям и ощущениям после разлуки нашей в Казатине! Je ne veux pas faiblir ni nous donner réciproquement des émotions inutiles¹.

До Жмеринки ехал я один в вагоне и мечтал. Между прочим, нашел я на столе моего отделения, когда жинка уже давно исчезла из глаз и я стал осматриваться, букет (уже завялый) незабудок, сорванный на пути и забытый тобою, милейший друг мой. Я выбрал те цветочки, которые уцелели, и высушил их между листами бумаги... C'est le dernier objet que ma chérie a tenu en main et qui avait fixé son attention². Чтобы доказать тебе, что я не вру, сентиментальничая, посылаю к тебе несколько цветочков (сознаюсь, что поцеловал их предварительно с просьбою передать поцелуй этот по принадлежности) в надежде, что если и откроют письмо мое люди нескромные, то не возвратят всех цветов. Не забудьте меня! Не желая, чтобы кто-либо когда-либо дотрагивался до остальной части букета и не имея возможности сохранить их ради преждевременной завялости, я дождался первого моста через реку и, простившись с милыми остатками...

...бросить, чтобы среди препятствий всякого рода свидеться на несколько минут! Это неблагоприятно, а потому ты, конечно, не предпримешь такой страшной поездки.

То, что ты пишешь о Леониде, крайне меня огорчает. Скажи Соколову, что я надеюсь, что он найдет средство вести его вперед, а не назад. Жаль, что Мика заброшена. Давайте ей читать, сама

¹ Не хочу проявлять слабость и поддаваться напрасным эмоциям, испытываемым нами обоими (фр.).

² Это — последний предмет, который ты, моя милая, держала в руках и который занимал твое внимание (фр.).

выучится. Пусть мне почаще пишет — то на русском языке, то на французском и на немецком.

Виды на урожай неутешительные, а цены будут хорошие. Дмитрию передал твою похвалу за ковер. Он был польщен.

Государь сейчас уехал в Браилов. Ко мне очень милостив и внимателен. Вчера прибыл сюда Алексей Александрович, произведенный в контр-адмиралы и назначенный командовать всеми морскими командами на Дунае. Он еще похорошел, повозмужал. Я кланялся от вас, и он поручил кланяться. Он набрался много знаний и рассуждает обо всем здраво. Славный человек!

Дмитрий укладывается, а я не могу расстаться с тобою, друг мой сердечный, даже заочно. Завтра в 5 (как всегда теперь) [встану] и отправлюсь в 7 часов в Бухарест, там уже заказана коляска (не на мое имя), и я прокрадусь в ней к месту предполагаемой переправы (около Систово).

Сейчас получил письмо родителей. Не успел окончить. Радуюсь, что почерк батюшки поправился. Надеюсь, что родители останутся на Елагине, а то поездки из Петергофа в город замучают батюшку. В его годы кататься одному по жаре и духоте не следует. Оставляю это письмо фельдъегерю для отправления послезавтра. Да благословит вас Бог. С завтрашнего дня будем стоять биваком и ночевать в палатках. Дмитрию лучше. Если увижу, что здоровье его терпит от бивака, пришлю его к вам вместе с громадною коляскою.

Обнимаю милых деток. Скажи Леониду, что надеюсь, что он меня срамить не будет и станет отлично учиться. Целую ручки у матушки добрейшей. Жалею для нее, что у вас холодно, как везде. Целую твои ручки, ножки и глазки. Люблю до бесконечности и вижу постоянно перед глазами твой облик милый. Твой верный муж и неизменный друг Николай.

Поправляй твоё здоровье, не тревожься и будь уверена, что Бог нас не оставит, не забудет и устроит все к лучшему. То-то было бы хорошо, если бы в августе удалось мне к вам приехать.

№ 8

12 июня. Воскресенье

Вчера минуло три недели нашей разлуки, показавшейся мне вечностью, бесценный друг мой Катя. Великолепные здесь ночи лунные — светло, не жарко и думается, когда посмотришь на луну, о тебе. Вчера засмотрелся я на зелень, освещенную луною, и мечтал

о том, как мил должен быть вид с круподерницкого балкона и как там хорошо, спокойно, душевно в семейном кругу! Поют ли дети «Коль славен наш Господь», и припоминает ли при этом добрейшая матушка об отсутствующем?

Вчера, как ты знаешь, отправился я в путь, но оказалось, что великий князь Николай Николаевич сделал другие распоряжения, которые заставили меня вернуться в Плоешти, чтобы ехать окончательно к Дунаю на бивак сегодня. Я отправлюсь с Главной квартирой (в том числе и Нелидов) экстренным поездом на Слатину и оттуда в экипажах на бивак к Дунаю близ пункта переправы (90 верст езды от железной дороги). Государь поедет за нами чрез сутки. В четверг мы уже, по всей вероятности, будем за Дунаем.

Первыми переправились в пятницу в 3 часа утра у Галаца на лодках и плотках Ряжский и Рязанский пехотные полки. Дело было молодецкое до безрассудства. Перед устроенным в Браилове мостом затоплена вся страна до крыши домов. Видя, что мостом пользоваться пока нельзя, Циммерман (корпусный командир) отправил бригаду из Галаца. Высадилось — после трехчасового плавания в камышах — 10 рот. Турки в числе до 3 тыс. чел. с 4-мя орудиями и черкесскою конницею атаковали наших около 7 часов утра яростно. Были очень трудные минуты, и бой продолжался до 12 часов безостановочно, становясь несколько раз рукопашным. Наши молодые солдатики выказали себя героями: при самых невыгодных обстоятельствах смело, без оглядки бросались на турок, выгнали их из ложементов, выдержали картечный огонь, отбили от конных черкесов (вырезавших целое звено цепи с офицерами) и преследовали их пешком с криком «Ура!» Турки стали отступать после сильной свалки, но, получив подкрепление и пользуясь своим превосходством (пушки и конница), перешли было опять в наступление.

Наконец, к нашим подоспела одна 4-фунтовая пушченка, и неприятель оттеснен к Мачину. К вчерашнему вечеру до 15 тыс. чел. наших уже перешло реку. У нас убито 45 чел. (2 офицера) и около 100 раненых. Много ран штыковых, тяжелых. Воодушевление войск громадное. К сожалению, диверсия едва ли принесет пользу: турки понимают, что общий ход дела не изменится от этого и что главная переправа в ином пункте. Если бы они догадались подвести артиллерию и подкрепления к Мачину, то нашим, лишенным моста и артиллерии, пришлось бы плохо.

Государь прибыл в Браилов в 3 часа ночи, съездил в Галац, осматривал госпиталь, посетив раненых, наградил собственноручно Георгиевским крестом раненого офицера, бывшего первым при высадке, и послал Лорьку Толстого в отряд к Мачину передать бригадному командиру Жукову Георгиевский крест и знаки нижним чинам и одному офицеру. Лоре пришлось быть первому из свитских в передовых войсках. В 5 часов пополудни государь уже вернулся, позвал меня, рассказал мне все виденное и пригласил обедать. Его величество был доволен и растроган. Столько было пыли при объезде царском, что если бы я был в свите, у меня глаза бы разболелись. Все к лучшему.

Чтобы не обременять своего портфеля, буду отсылать в толстых конвертах накопляющиеся ненужные бумаги. Не запечатывай, ибо не интересные, складывай их где-нибудь. Целую ручки твои и матушки. Обнимаю и благословляю деток. Твой неизменный друг и любящий муж Николай.

Сейчас получил я телеграмму от известного тебе Macgohan, отправившегося по моему совету в Браилов и присутствовавшего при бое: «*Tout est fini ici, nous som-mes à Matchin, reussite splendide, je serais demain à Bucarest*»³. Как я рад, что уговорил великого князя главнокомандующего допустить иностранных корреспондентов в армию. Приняты по моей рекомендации в лучших, теперь набралось уже около 50 — чужих и своих. По крайней мере, не станут оспаривать существования наших успехов и подвигов, как бывало прежде. В Европе отдадут справедливость чудным качествам русского солдата, и истина восторжествует над ложью, интригою и коварством, наших порицателей и врагов, иностранных и доморощенных. А свои воры хуже чужих. Говорят, что в Петербурге и в некоторых наших посольствах за границею распускают неблагоприятные слухи о нашей армии (о неудавшейся переправе чрез Дунай, о гибели 2-го корпуса и пр.) и злорадствуют (Шувалов). Но вообрази, что даже здесь, среди всеобщего одушевления и соревнования, самопожертвования, в двух шагах от государя есть люди, которые только думают о своей

³ Здесь все окончено, мы в Мачине, блестящий успех. Завтра буду в Бухаресте (фр.).

личности и о примирении «народного русского фанатизма»(!). На этих днях канцлер с Жомини мне отпустили такую тираду: «Vous appartenez évidemment au parti militaire (я доказывал им, что стеснять военные действия дипломатическим пустословием теперь нельзя); on ne veut pas nous écouter actuellement, mais laissez passer quelque temps et les choses changeront; lorsque le typhus (тифун им на язык) et la fièvre auront décimé notre brave armée, lorsqu'on aura perdu 40 ou 50 mille homme et qu'on verra qu'il n'est pas aussi facile qu'on le pensait de résoudre les problèmes poli-tiques par l'épée on dira que nous avons raison (?!), on viendra (?) nous demander d'arranger les affaires, d'arrêter l'effusion de sang et de faire un replatrage quelconque pour en finir!»⁴.

Каковы! Забывают, что никто другой как они (с графом Андраши) воспрепятствовали мне мирно (дружбою с турками) разрешить славянский вопрос мирным путем, что они запутали нас в войну и теперь делают [все], чтобы ее усложнить и затянуть ради мнимого миролюбия. Я им отвечал, que c'est une honte et une infamie que de spéculer sur les malheurs de sa patrie et que je leur conseillais de ne pas parler haut car ils finiront par être lapidés si le peuple ou les soldats russes les entendaient⁵

Вот с какими людьми мне пришлось иметь дело 16 лет сряду, и вот они — мои судьи и посредники между мною и государем!!

Главная забота князя Горчакова теперь — это быть при государе 13-го — день, когда минет ему 60 лет службы, и что-нибудь выклянчить для себя. Чего ему, кажется, нужно еще? Экономиями и биржевыми спекуляциями он нажил, как меня уверял Гамбургер, два миллиона руб. серебром! А небось стащит у

⁴ Вы явно принадлежите к военной партии. Нас теперь не хотят слушать, но пройдет некоторое время, и положение изменится. Когда тиф и лихорадка будут истреблять нашу храбрую армию, когда погибнут 40 или 50 тысяч человек и когда увидят, что не так легко, как думали, решать политические проблемы силой, то скажут, что мы были правы, будут просить нас уладить дела, остановить кровопролитие и заключить любое перемирие, чтобы все закончить! фр.).

⁵ Что позорно и подло спекулировать на несчастьях родины, и советовал не говорить об этом громко, ибо если народ или русские солдаты услышат, то забросают их камнями (фр.).

меня даже курьерскую дачу (не говоря уже о подъеме, заплаченном всем чиновникам моим, и о котором и помину нет для меня) на проезды из Константинополя чрез Бриндизи в Петербург, что следовало бы по закону, но чего, конечно, просить не буду. Il faut garder son indépendance morale, en servant le pays avec fierté et désintéressement, comme je l'ai toujours fait. Tu partage mes opinions, chère amie, de mon coeur compagne adorée de ma vie d'épreuves et de sacrifice⁶.

Ты видишь, что когда было можно, то я писал не скупю. Но теперь пройдет две или три недели, когда можно будет спокойно писать. Придется проводить дни на коне. Не посетуй за краткость или неразборчивость моих будущих писаний. Целую вас всех, милых сердцу, тысячекратно. Молитесь за русских воинов.

Твой неизменный друг и любящий муж Николай

№ 9

15 июня. Драча

Что такое Драча, где это, qu'est ce que c'est que cet endroit impossible et introuvable⁷, скажете вы, мои милые сердцу жинка и матушка, получая эти строки. Румынская деревушка в котловине между оврагами на пространстве между Александриею и Турну-Магурели, верстах в 12-ти от Дуная и в 16-ти или 17-ти от Турну против Никополя, находящегося на турецкой стороне, вот где теперь наша Главная квартира — армии и императорская! Только что прибыл государь. Возвратились мы с бомбардирования никопольских укреплений, и устроился я в палатке на биваке. Тянет с вами побеседовать и продолжить мой дневник, поставляющий вас в известность о том, что со мною делается. Фельдъегерь, прибывший с государем, передал мне милейшие письма ваши от 9 июня. Благодарю матушку, что она тебя лечит и о твоём драгоценном здоровье мне сообщает, а тебя, друг мой Катя, благодарю за деревенские подробности, заключающиеся в письме, и в особенности за добрые вести о твоём здоровье, доказывающие, что ты меня не забываешь и матушку слушаешь. Детям признателен за их грамотки. У Леонида много непростительных ошибок. Между

⁶ Надо сохранить свое лицо, бескорыстно служа родине, как я делал это всегда. Ты разделяешь мои взгляды, дорогой друг, обожаемая, милая сердцу спутница моей жизни во всех ее испытаниях и жертвах (фр.).

⁷ Что это за неизвестное место? (фр.).

прочим, он везде без разбора ставит «ъ». Мики письмо меня не удовлетворило, надеюсь получить лучше и пространнее.

В воскресенье был у обедни (в субботу также удалось попасть к всенощной). Служил Ксенофонт Яковлевич, а равно и молебен по случаю благополучного перехода через Дунай против Галаца и взятия Мачина. Дьякон артистически произнес многолетие императорскому дому и воинству русскому, а также вечную память павшим недавно воинам; многолетие императорскому дому было произнесено обыкновенным образом, затем вечную память низко, в мажорном тоне, с трепещущим от волнения голосом, и вслед за сим высоко, торжественно разразилось потрясающим образом многолетие победоносному христороливному русскому воинству. Никогда не случалось мне слышать в церкви подобных эффектных модуляций! Артист, да и только! Просто помолиться лучше, то есть сердечнее!

В 5 часов выехал я в Слатину по железной дороге в особом экстренном поезде, устроенном для Главной квартиры армии. Великий князь Николай Николаевич распускал слух, что сам поедет, а между тем полетел осматривать переправы, предоставив мне все удобства и свою собственную коляску. Я был старшим в поезде и сидел в отделении с Галлом (моим корпусным товарищем-глухарем) и А.И. Нелидовым. Кто бы думал, что судьба нас ...

... кухня (прислуга принуждена варить сама себе пищу). Лошади привязаны к фургону, коляске и к колям, а обе верховые — перед самым входом в мою палатку.

Адад кушает травку, на меня поглядывает, вытягивает голову и тянется к входу в мою конуру походную. Он ржет, прося хлеба, и откликается на мой зов ночью. Не правда ли, поэтически? Когда после обеда и вечернего чая я улегся на походную кровать свою, воображение живо перенесло меня за 20 лет назад в киргизские степи. Говор бивака, ржание лошадей, русская брань, почная сырость — вся обстановка напомнила мне молодость. Но силы уже не те, удаль не та и положение иное: я не начальник бивака, а чуть не последняя, седьмая, спица в колеснице. Спал я отлично, хотя падал дождь и фыркал под ухом Адад, меня и разбудили раза два.

Все меня принимают приветливо и выказывают большое внимание. Николай Николаевич обходится самым дружественным образом, напоминая часто при всех, что мой товарищ он с детства.

На этих днях мы решительно переходим Дунай. Сегодня зашел я в Главную квартиру, чтобы справку получить. Великий князь лежал в кровати у себя в палатке и узнал мой голос в 20 шагах, тотчас кликнул: «Николай Павлович, иди сюда». На выражение моего удивления, что он мог узнать мой голос по первой фразе, сказанной вполголоса, великий князь ответил: «С детства твой голос врзался у меня в память, я его всегда и везде тотчас узнаю».

Во вторник встали мы в 5-м часу утра, отправили верховых лошадей и конвой вперед на высоту близ Турна — оттуда видны турецкая и наша позиции. Было сыро, даже очень. Многие поехали верхами за неимением коляски и достаточного числа лошадей. Je suis jusqu'à présent le mieux fourni sous ce rapport⁸. Лошади мои очень удались. Я отправился в 6 часов утра вслед за главным начальником штаба в своей коляске. Во второй коляске, где сидел, между прочим, Николай Максимилианович, лошади зашалили в гору, и Лейхтенбергский пересел ко мне, прося довести. Мы остановились в 14-ти верстах у кургана, господствующего над всей местностью, с которой действительно расстилается великолепный вид на долину Дуная. Курган этот — в 6 верстах от никопольских батарей, все видно как на ладони. Курган этот сделался историческим, и два живописца срисовали со всех сторон.

С 7 часов утра до 11 -ти смотрели мы на артиллерийскую дуэль между нашими и турками, подкрепленными двумя мониторами, которых тщетно наши моряки пытались уже неоднократно взорвать. Понтоны наши и мост должны быть введены в Дунай по р. Ольте. Турецкие укрепления как раз против устья. Надо сбить турецкие орудия, обессилить крепость, отогнать или запереть мониторы, чтобы иметь возможность устроить мост или даже провести понтоны и приступить к приготовлениям к переправе. Ночью храбрым морякам удалось провести 18 понтонов под носом у турок, они открыли огонь по строящимся у устья Ольты перед Турном батареям, и завязалась перестрелка по всей линии. В 11 часов прибыл государь с сыновьями и свитой по той же дороге, что и я. В 3 часа вернулись мы в лагерь. Завтра, 15 июня, нападение на мониторы и Никополь, а, может быть, и решительная переправа. Я — дежурным при государе. Момент весьма интересный.

⁸ Я до сих пор в этом отношении снабжен лучше (фр.).

15 июня

Сегодня великий день: войска русские форсировали переправу чрез Дунай в центре стратегической линии турок, разорвав ее на две части. Наши сделали важнейший шаг, обеспечивающий 50% успеха всей кампании. Ты припомнишь, что я всегда твердил, что необходимо сделать главную переправу в Систово, чтобы обойти все крепости, приблизиться сразу на 100 верст к Балканам и войти непосредственно в ту часть Болгарии, которая населена почти исключительно болгарами, и затем пройти чрез часть страны, пострадавшей от турок в прошедшем году для охранения христианского населения и поднятия его духа. Я твердил это Обручеву три года тому назад, говорил и великому князю лично, разделявшему мое мнение. Но Главный штаб избрал Никополь — в 30 верстах выше, на устье р. Ольты, как пункт, в техническом отношении наиболее удобный. Понтоны деревянные готовились на этой реке, и подвоз осадной артиллерии до Слатины по железной дороге был удобный, нежели в таком месте, как Систово, далеко отстоящем от железной дороги. Построили батареи (36 осадных орудий) около Турну и стали громить Никополь. 14-го сбили большую часть батарей турецких, а 15-го зажгли город выстрелами и принудили два турецких монитора прекратить борьбу, прижаться к берегу и дать себя окружить нашими заграждениями и минами. Таким образом, трудом всех наших моряков и сапер вся грозная Дунайская турецкая флотилия парализована и обессилена. Один только монитор (около Рущука) не попался в расставленные ловушки, разгуливает и может повредить нашим мостам (когда они построены будут) и наделать нам хлопот.

Помещением Главной квартиры в Драче, сосредоточением войск и приготовлениями к переправе, которых скрыть было нельзя, иностранцы и турки убедились, что Никополь будет местом нашей переправы. Они построили много укреплений против наших батарей и сосредоточили до 15 тыс. войска. Туда прибыл сам турецкий главнокомандующий, тогда как, по полученным сведениям, на излюбленном мною пункте (Систово) было всего 1 или 2 тыс. войска. Тогда великий князь, осмотрев лично местность, решился окончательно броситься чрез Дунай около Зимницы против Систово. Но решение это, мною заподозренное, держалось в величайшем секрете до того, что никто в свите не подозревал и что

государь узнал лишь за два дня. Приказано было Драгомирову (начальник 14-й дивизии) попытаться переправиться там в ночь с 14-го на 15-е. В случае же неудачи предполагалось сделать переправу у Фламунда, несколько верст ниже Турна, в течение 15-го числа. Для этого предназначался 9-й корпус Криденера. Как для той, так и для другой переправы необходимо было провести понтоны из Ольты в Дунай под носом турецких укреплений и войск в Никополе. В ночь с 13-го на 14-е удалось провести одну часть, а в ночь с 14-го на 15-е — другую.

В течение бомбардирования турецкая артиллерия была значительно ослаблена. 15-го утром все были в тревожном ожидании. Государь и великий князь Николай Николаевич почти не спали от ожидания. Мне мешали спать ветер и сырость. С 4-х часов мы поднялись, в 6 часов поехали на позицию. Князя Имеретинского и Голицына (твоего знакомого флигель-адъютанта, сына Луизы Трофимовны) государь послал в Зимницу, а потом туда же отправил князя Долгорукова (приятеля Анны Матвеевны) с Баттенбергом, сыном принца Александра Гессенского. Все они прибыли слишком поздно. В 2 часа ночи отправился наш первый эшелон (12 рот) на 150 понтонах. Волинский полк (бывший в голове) причалил благополучно, ибо 3-х тыс. турецкий отряд, бывший у Систова, заметил приближение нашей флотилии (которая должна была проходить вдоль берега, занятого турками), шедшей по течению, лишь за четверть часа до высадки. Началась перестрелка с турецкой стороны. Стрелки их засели по крутизне в кустарнике. Открыли огонь две батареи, одна — в 5 орудий большого калибра из Систова, другая с горы на правом фланге турецкого расположения. У нас выдвинули несколько батарей на остров, на который предварительно устроен был мост.

Когда второй раз повезли войска, турки уже изготовились и встретили убийственным огнем. Несколько понтонов потонуло или повреждено, причем утонули два орудия горные, батарейный командир, два офицера артиллерии (один гвардейский, премилый и мне лично знакомый) и много нижних чинов. Но вообще переправа производилась в удивительном порядке, блистательно и с невероятною быстротою, чему обязаны главнейшей распорядительности генерала Рихтера, получившего Георгиевский крест на шею, и усердию войск, рвавшихся за Дунай. Тысячу эпизодов, характеризующих великолепные качества русского

солдата, хотелось бы рассказать, но нет возможности. Гвардейская рота, составленная из всех полков и бывшая во 2-ом эшелоне, сильно пострадала. Ей пришлось попасть под крутизну, с которой били на выбор турки, засевшие в каждом кусте. Наши солдатики повыскакивали с понтонов и без выстрела с криком «ура!» карабкались и штыками кололи турок, стрелявших отлично и защищавшихся упорно, храбро. Один унтер-офицер Павловского полка только заколол семь турок в глазах всех своих товарищей, прежде чем был ранен и отправлен в лазарет. Флигель-адъютанта Озерова, начальника гвардейского отряда, ранили пулею в ногу довольно опасно. Камердинер его, служивший 25 лет, непременно захотел находиться при нем безотлучно и получил пулю прямо в грудь, но спасен каучуковой подушкой, которую нес на груди под платьем для барина!

Второму эшелону пришлось труднее других, потому что по мере подвоза войск перевес численный переходил на нашу сторону. Позиция турок была удивительно пересеченная и трудная для наступающего. Они долго не отступали ни на шаг за оврагом, перед городом, в виноградниках. При опросе пленных, которых взято всего 10 чел., потому что наши стали колоть беспощадно, когда увидели, что раненые турки пытались убить санитаров, носивших красный крест на руке и подходивших к ним для помощи, оказалось, что мы имели дело с 6-ю батальонами низама Константинопольского корпуса (гвардейского) и: полевою батареею, проходившими из Рущука в Никополь и обратно для наблюдения за Дунаем и подкрепившими слабый гарнизон Систова. Турки лишь в 3-м часу пополудни стали отступать в горы по направлению к Тырнову и Рущуку. Преследовать было нельзя, ибо войска устали, не ели 24 часа, и не было кавалерии.

Вслед за дивизиею Драгомирова стали перевозить дивизию Святополк-Мирского и стрелковую бригаду, так что к вечеру весь корпус Радецкого был уже за Дунаем. Известие о том, что наши окончательно утвердились на высотах, господствующих над Систовом, и что город брошен турками, доставлено при начале обеда у государя (в 6 час.). Принес телеграмму адъютант великого князя (Николай Николаевич обедал у государя и я как дежурный) Скалон. Ты можешь себе представить общий восторг. У всех навернулись слезы, все вскочили и крикнули за государем «ура!». Лицо царя просияло. Умилительно было смотреть на доброго,

растроганного государя, одерживающего победы, которые он всячески старался избежать по врожденному миролюбию. Великий князь главнокомандующий получил тут же Георгия 2-й степени. Царь сам надел на него знаки. Возбуждение общее все росло. Когда узнали в Главной квартире армии, адъютанты и офицеры прибежали к домику, в котором был государь, и крики «ура!» распространились по всему лагерю. Стали качать главнокомандующего, потом качали государя. Его величество со всеми нами проводил великого князя до его ставки. Оба брата были глубоко растроганы, целовались. Николай Николаевич говорил государю, что рано, не давай еще, дай разбить окончательно турок и пр. Конвой и даже прислуга пришли в совершенный азарт. Всё кричало «ура!» и кидало шапки на воздух. Минуты незабвенные!

Сын Николая Николаевича переправился за Дунай вместе с начальником дивизии (кажется, с 3-м эшеломом), стоял под гранатами и пулями, вел себя молодцом, по отзыву всех, и получил Георгия (офицерский крест 4-й ст.).

Было приказано переводить Главную квартиру в Зимницу. Мы поднялись 16-го в 4 часа утра и в 6 час. утра двинулись. Переход был в 32 версты по песку и среди ужасающей пыли, поднятой войсками с обозами, спешившими на переправу. Тут пришлось мне оценить мою легкую коляску и купленных в Киеве лошадей. Государь и ближайшая свита отправились в колясках на почтовых осматривать по дороге госпитали (до 800 чел. раненых). Остальным пришлось тащиться верхом, то есть тем, у которых была пара упряжных в повозке. В том числе был князь Меншиков. Я сел в коляску с Дмитрием и преспокойно прибыл в Зимницу за час до государя. Все удивились моему появлению. Мы избегнули страшной пыли, которую пришлось бы глотать, если бы я ехал за государем. Товарищи трунят, что я переехал, как помещик, из деревни в деревню сам по себе. Глаза принуждают меня лишиться многих интересных зрелищ, сопряженных с невероятною пылью. Но, благодаря Бога, я до сих пор избежал воспаления и даже раздражения, тогда как у здоровых глаза болят. Таким только образом сохраняю себя в строю и действии. Иначе пришлось бы где-нибудь отстать, отказавшись от дальнейших походов военных.

16-го утром был переполох на переправе, которую пришлось временно приостановить: стали приближаться со стороны Руссука

мониторы турецкие. Теперь сделаны новые заграждения, и поставлена на острове 5-ти орудийная батарея для обстреливания подступа будущего моста. Место переправы от крутого берега Дуная, на котором расположена Зимница и бивак Главной квартиры, на 6 верст отстоит. Местность, как бы созданная для живописи. Картина, оживленная движущимися массами войск, великолепна.

В час пополудни государь внезапно сел на лошадь и поскакал к переправе. Дежурные и лишь немногие лица, которым дали казенных или казачьих лошадей, поспели за ним с конвоем среди ужасающей пыли. Государь здоровался с войсками, обгоняя их. «Ура!» гремело неумолкаемо.

Царь сел на понтон и, буксируем катером паровым, переправился на ту сторону, где был встречен Драгомировым и Радецким. Главнокомандующий был на переправе. Государь осматривал подробно поле сражения и поехал верхом в Систов. Войска стояли шпалерами от самой переправы до города. Энтузиазма, криков восторженных войска при виде царя и главнокомандующего описать невозможно.

В городе прием был великолепный. Жители с духовенством и хоругвями в голове встретили царя, кричали «ура!», «живио!», бросались целовать руки, ноги. Болгары выбили окна в мечетях, разбросали листки Корана и разграбили лавки мусульман, оставивших поголовно город. Еще накануне — по уходе низама — турки-жители, принимавшие участие в битве (найлены даже две женщины между сражавшимися-убитыми), пытались зажечь город и, засеяв в виноградниках, стреляли по одиночным офицерам и солдатам.

Государь отправился в собор, где восторг жителей еще усилился. При виде русского царя, «освободившего их от турок» и набожно приложившегося к Евангелию, болгары стали кричать «ура!» и ...аплодировали, к величайшему смущению наших. Великих князей, генералов, офицеров и солдатиков осыпают цветами и угощают вином и живностью. Государь вернулся из Систова прямо к переправе и оттуда в коляске на бивак около 7 ½ часов пополудни. У нас уже 40 тыс. войска за Дунаем, и мост, вероятно, будет готов завтра.

17-го я опять дежурный. Погода жаркая. У наших ног в рукаве Дуная купают тысячи лошадей. Всадники раздеты догола и

тоже обмываются. Подальше тянутся зигзагом войска, артиллерия и обозы к продолжающейся переправе. Пехота и артиллерия перевозятся пароходом, буксирующим баржи, а понтоны обращены на мостовое устройство. Задерживает одна настилка, которую подвозят. Как только мост будет исправен, двинут казачью дивизию Скобелева и две кавалерийские дивизии (Манвелова и Лошкарева). Турки пропустили минуту, чтобы попытаться опрокинуть переправившиеся войска. Ожидали подхода войск турецких из Рущука, но они ограничились переходом войск туда из Никополя, покинутого, кажется, обороняющимися. Теперь желательно двинуть легкие отряды как можно скорее в Балканы и захватить перевалы, а также охватить как можно больше Болгарии для ограждения от турецкого мщения и неистовств.

Стоянка здесь сухая. Ночью спали отлично. Погода жаркая, но в палатке моей, раскинутой под деревом, сносно. Если бы не пыль, все бы хорошо. На затылке и голове сыпь не прошла, но в том же положении. Глаза в удовлетворительном состоянии. Вчера, напившись чаю в 5 час. утра (даже ранее), я отобедал лишь в 10 час. вечера (за так называемым гофмаршалским столом). В 5 час. пополудни Дмитрий успел сделать из весьма мутной воды Дунайского рукава чаю. Можно бы и кормить нас хорошо или нам предоставить кормиться удовлетворительно. Но в Главной квартире, действующей на все местные продукты, как саранча, нет распорядительности.

Все сегодня высыпаются, а я встал, как обыкновенно, в 5-м часу. Лошади фыркают, прислуга лагерная шумит, и мухи докучают. Спать отвык при подобных обстоятельствах, разве устанешь, а я вовсе не устаю еще, что дальше будет? Был я в бараках и палатках Красного Креста. Умилительно смотреть, как сестры ходят за ранеными, а равно как эти несчастные весело и бодро переносят страдания.

Сейчас отправляется фельдъегерь, а мы едем на торжественный молебен. Ждем сегодня писем от вас, давненько уже не получали, не то, что в Плоешти. Целую твои ручки и ручки добрейшей матушки.

Черкасский здесь, но я должен сказать, что неудовольствие против него за деспотизм и бюрократизм, а равно и чиновничью спесь — всеобщее. Консула, отданные в его распоряжение, и

чиновники хотят подавать в отставку, а служащие в Красном Кресте приходят в отчаяние. Вот вам и либерал.

Обнимаю и благословляю деток. Сообщи вести обо мне батюшке. Не знаю, успею ли написать ему. Смотрю на ваши фотографии и целую их. Твой любящий муженек и вернейший друг Николай

Пометь письмо мое № 6 9 июня.

Всех армян выдали туркам и предоставили сим последним овладеть важным элементом успеха — инициативою действия. Теперь Мухтар с целою армиею станет под Карскими укреплениями, и выбить его будет трудно, а между тем дух мусульман воспрянет, а наши войска и союзники деморализуются. Михаила Николаевича следовало бы отозвать и назначить туда боевого полководца.

Затруднения в Болгарии удесятятся, и конца войны не видно, если не исправятся дела. Государю лучше было бы вернуться, проводив войска за Дунай и благословив их, нежели присутствовать здесь при могущих быть неудачах. Но я все еще надеюсь, что доблесть русского солдата все сделает и что Бог выведет нас из затруднения. Авось, Мухтар сунется вперед и потерпит поражение в поле, тогда все может тотчас измениться к лучшему быстро.

Прибыли мы к мосту обратно (с понедельника) около 11 час. утра. Вся дорога загружена обозами, и проезд затруднителен. Так как мост чинился, то нам пришлось идти пешком, в то время как государь переехал Дунай на катере. Моя коляска ожидала меня на этой стороне (полюбуйся моею предусмотрительностью) и доставила домой. Вечером поднялся ураган, пыль и затем дождь с грозою и страшными порывами ветра. Я думал выспаться, но было холодно и сыро в палатке: с боков мочило, а верх срывало ветром. Около полуночи пришлось мне встать. Звал я свою прислугу, разместившуюся покойно в фургоне и коляске (Дмитрий и Иван), но никто не откликнулся, и мне пришлось бороться с непогодю в потемках (спички отсырели и переломались), отстаивая целость палатки. Ветер несколько утих чрез 2 или 3 часа, но я уже лег одетым и не мог долго заснуть. В 5 час. поднялся бивачный шум, и

ржанье лошадей меня принудило подняться окончательно. Я решил впредь не раздеваться совершенно, а спать в халате на случай подобных же невзгод. Я слегка простудился, и Боткин, сие заметивший, хотел было дать мне касторку и хинину, я отказался и стал принимать асонит и иреса.

Так быстро справился я, что во вторник же вступил я на дежурство, ездил верхом за государем на смотре и переправе и сегодня спал отлично в палатке же. Сообщаю вам эти подробности, чтобы вы убедились, что я верен гомеопатии, продолжающей действовать на меня удивительным образом.

Сегодня был на молебне. Никольский приходил поздравить. Сейчас отправляюсь на смотр (на Ададе, рыжий продолжает жаловаться на передние ноги) в совершенной исправности. Глаза мои в очень хорошем положении, слава Богу, так что, пожалуй, подумают, что мне другого лечения и не нужно, как поход на Константинополь. Приняты меры, чтобы палатку мою не сносило и не мочило. Если будет ненастная погода, то перейду в комнатку, найденную по соседству Полуботко, который и находится при Гамбургере в царской свите. Нелидов, Базили и Ульянов пошли вперед с главнокомандующим. Черкасский отправился в свою столицу — Тырнов.

Ададу передал твой привет. Дмитрий на другой же день (ради арники) оправился от своего ушиба на дороге из Слатины в Драчу. Канонада до сих пор ни на меня, ни на лошадь действия не производила. Едва ли часто приходится нам слушать ее вблизи от пушек.

Целую ручки у добрейшей матушки. Обнимаю вас тысячекратно. Целую твои ручки, мой друг сердечный. Расцелуй и благослови за меня деточек наших. Вероятно еще раз писать буду из Зимницы. Молитесь Богу за успехи русского оружия. Да сохрани и благословит вас Бог.

Граф Левашов (Ники) сказался больным при виде предстоящих биваков (до сих пор он отделялся) и отпросился у государя к Wunderfrau⁹, обещавши вернуться (!?) через месяц. Он рассчитывает на заключение мира и получить награду. Вот они, служаки, защитники Отечества. Права, преимущества, отличия —

⁹ Чудесная женщина (нем.). Так иронически Игнатъев называет жену Левашова.

подавай, а пальцем не шевельнет. Государь с такими тунеядцами так же милостив (коли не больше), нежели с нашим братом, безответными труженниками!

№ 14

7 июля. Бивак у Зимницы

Наконец-то несколько утешила нас весть с Кавказа: третьего дня получена телеграмма, что две роты, осажденные в течение 26 дней и претерпевшие большие лишения и потери в цитадели Баязета, спасены отрядом Тергукасова. С 10-ю батальонами, 24-ю орудиями и казаками они разбили осаждающих в числе 15 батальонов из Багдада и Диарбекира, пришедших с массою иррегулярных. Честь спасена. Иначе — нравственное впечатление, нам неблагоприятное, было бы пагубно для всего хода кампании. Но мне не нравится, что г. Баязет брошен кавказцами под предлогом разрушения во время осады. Мне кажется, что левый наш фланг к стороне Ван будет en l'air¹⁰ и что кавказцы чувствуют потребность сосредоточиться ввиду подкреплений, беспрестанно прибывающих к туркам, и первоначальной своей разбросанности. Теперь остается желать, чтобы Мухтар-паша, опьяневший от отступления перед ним русских, сунулся на позицию Лорис-Меликова у Займа. Тогда турки будут разбиты, Каре сдастся, и дела могут при божьей помощи снова поправиться.

Третьего же дня перед обедом привез от главнокомандующего гусар Бенкендорф донесение Гурко о деле при Тырнове. Оказывается, что турки были до того деморализованы быстрым наступлением гвардейцев (горсть), драгун и казаков с неожиданной для них стороны — от Плевны, что очистили город без большого сопротивления. Наш Церетелев отличился, и государь при громогласном чтении донесения тотчас заявил мне, что даст ему солдатский Георгиевский крест, за что я и поблагодарил его величество. Дело в том, что когда албанские башибузуки втянулись в город, то Церетелев взялся провести в него сотню казаков и в него вскакал за турками в улицы знакомого города и забрал лагерь, в котором нашли знамя, запасы и патронные ящики. Молодец! Вероятно, его произведут в офицеры.

¹⁰ Открыт (фр.).

Начинаю опасаться, что кампания наша разыграется и здесь не так хорошо, как можно было ожидать. Наступление Николая Николаевича производится вяло и вместе с тем опрометчиво. Ни тыл, ни фланги не обеспечены. Мы могли бы быть в три перехода под Рушуком, а войска цесаревича прошли всего полтора перехода от переправы и не идут дальше вперед. Простой корпусный командир давно бы двинулся, а с наследником ничего рисковать нельзя. Начальник штаба Ванновский говорит, что предпочел бы бригадою командовать, нежели нести страшную ответственность как начальник штаба пред наследником престола. Крайне неудобно и рискованно раздавать все командования великим князьям. Владимир Александрович ни вкуса, ни расположения к военному делу не имеет, а ему приходится вести корпус в огонь!

Алексей Александрович пил за твое здоровье за обедом, объявив мне, что принадлежит к числу твоих почитателей, и просил кланяться и тебе, и матушке. Он славный малый и дельный, моряк в душе. Когда мы пойдем вперед, он останется на переправе, командуя моряками. Хочет поместиться на турецкой корчме на воде, сделав себе рубку с каютою. Вся царская семья в расходе и поставлена, Бог весть для чего, на карту! Константин Николаевич оставлен один в России, что едва ли благоразумно.

Я тебе писал уже, что граф Николай Левашов отправился лечиться в Германию, обещаясь вернуться чрез месяц в надежде, что тогда дело пойдет уже к миру. Витгенштейн (Эмилий) тоже все колеблется и отказывается от дежурства под предлогом нездоровья. Я здоров и продолжаю тянуть служебную лямку безоговорочно, как честному русаку надлежит.

Корпус Криденера пошел вправо на Никополь во фланг укрепленной позиции, устроенной перед городом перпендикулярно к Дунаю. Пока Никополь не взят или не очищен турками, наш правый фланг не обеспечен, тем более, что у Виддина значительные силы (более 30 тыс. чел.) и что турецкие войска из Герцеговины спешат в Новый Базар и против нашего левого фланга.

Переправа чрез Дунай еще не обеспечена, ибо понтонный мост жидок и малейшая буря разрывает его, тогда как постоянный мост не построен еще, а боны (заграждения, устройством которых занимается великий князь Алексей Александрович) не будут готовы ранее 10 дней. Следовательно, турки из Никополя могут всегда спустить барки или плоты с петролем и т.п., чтобы разрушить

переправу. Продовольствие армии также не обеспечено, и в Главной квартире армии лошади три дня были без сена и овса.

Мусульманское население поголовно дерется в селениях с нашими разездами, что доказывает, что оно еще нафанатизировано и что сообщения наши не обеспечены по взволнованному краю, в особенности там, где больше мусульман. С другой стороны, Порта пользуется нашею медленностию (отчасти вынужденною естественными затруднениями), чтобы сосредоточить все свои силы: заптие* обратили в регулярные войска; отряды, действовавшие против Черногории и даже в Аравии, спешат в Адрианополь. Говорят, что при выходе из Балкан хотят нас встретить 200 или 300 тыс. свежего войска.

Было благоразумнее для государя выждать на румынском берегу 8 или 10 дней, пока выяснятся обстоятельства и утвердятся сообщения, но несмотря на все представления (Милютина, Адлерберга, Алексея Александровича, главнокомандующего и пр.) его величество непременно хочет сам быть при войске, и мы переправимся, вероятно, окончательно в воскресенье. Остановимся в Павлове, в 32 верстах от Дуная, и затем, смотря по обстоятельствам, пойдем в Тырново или еще выждем.

По известиям из Константинополя, настроение Порты под влиянием кавказских неудач наших совершенно изменилось. Прежде хотели предложить нам мир, теперь мечтают отнять Кавказ и нас втоптать в Балканы и Дунай. Сообщаю тебе все подробности, чтобы вы не думали, что положение легкое и блестящее. Опасаюсь, что война будет тяжелая и продолжительная, как я и предсказывал в Петербурге. По твоим письмам можно заключить, что у вас существует убеждение, что если Дунай перейдем, то все уже сделано. Напротив, мы так закопались и копаемся, что я боюсь, что затруднения лишь теперь начнутся, ибо дали время туркам опомниться и изготавиться. *La situation générale de l'armée, en vue de toutes ces difficultés et de la saison avancée - surtout grâce à la famille C...chu n'est pas brillante, ni même assurée*¹¹.

* *Полицейский.*

¹¹ Общее положение армии ввиду всех этих трудностей и наступающего времени года, особенно благодаря [императорской] фамилии, не блестящее и даже не уверенное (фр.).

Вчера прибыл фельдъегерь, доставивший мне письмо родителей от 26-го, а от тебя ни строчки. На расспросы мои он заверил меня, что видел Руденко (все фельдъегеря уже его знают и сами за письмами к нему ходят), но тот отозвался, что от тебя у него письма нет (?!), а получено лишь накануне письмо от меня к тебе. Очень досадно, что так случилось. Разве ты не знаешь дней проезда курьеров? Лучше отправлять в запас на станцию. Это тем более важно теперь, ибо из Зимницы будут ездить к нам фельдъегеря под прикрытием военного конвоя, и если пропустишь случай, то совсем останусь без известий от вас. На нынешней неделе уже три фельдъегеря прибыли сюда. Уладь, ради Бога, с Руденко исправное доставление корреспонденции. Горятинов мне рассказывал, что ему подали в Казатине премилый циркуляр твой. Никто не откажется. Но беда, если писем не будет.

Вчера вспомнил я о дне рождения Павлика. Тяжел будет мне отрадный день 3-го!! Убежден, что вы вспомните обо мне за семейною трапезою и что детки поздравят за меня и обнимут покрепче мама! Да сохранит вас Господь здоровыми и веселыми. Матушке будет приятно узнать, что крупинки сразу уничтожили во мне простуду и что мне пришлось лишь два дня остерегаться пищу (все время был я в строю и действии). Кучера, заболевшего поносом и лихорадкою, я в сутки на ноги поставил *arsenicum*.

Сейчас принес мне какой-то проезжий письмо твое от 22-го № 11 (стало быть, запоздала). Ты не пишешь, куда ездила ты встречать Екатерину Матвеевну — в Немиринцы? Если вы вернулись через хутор священника, то, стало быть, поправили дорогу, как я указывал?

Газеты много врут. Замечательные корреспонденции «Daily News», *Masgahan* и полковник английский (оба они корреспонденты в этой газете) неутомимы и везде сами присутствуют.

Я предпочитаю отдать на три года Липскому Чернявку, нежели на 6. Самое лучшее — заключить временно домашнее условие (по 5 ½ руб. за д[ень] за три года с платою денег ежегодно вперед) с тем, что когда вернусь, выдам тебе или Мельникову полную доверенность для передоверия Липскому управлению Чернявкою. Его упрекать не следует, он хороший хозяин. Но главное — уменьшить чрезмерный расход (предлагавшийся Липским) на постройки непроизводительные. Ты ничего не говоришь об этом важном предмете. Чем покончили? Какую смету

определили? Кто и как будет производить постройки кухни и дома? Уверен, что вы с Мельниковым употребите все старание, чтобы уменьшить затрату.

Очень рад, что круподерницкий лес приглянулся гостям дорогим.

Сейчас получили известие, что уланы (Вознесенский полк) и казаки отбили у турок 400 повозок, шедших под значительным прикрытием. К сожалению, у нас потери (в уланах) довольно значительные, и тела всех убитых (15) и раненых были изуродованы мусульманами (несколько первоначальных атак наших было отбито), а один штаб-офицер, раненный, пропал без вести (вероятно, взят, бедняжка, в плен).

Je crains que nous ne nous dépensions pas en détails. C'est glorieux individuellement, mais cela ne nous avance qu'ère vers le but¹².

Ввиду сырости ночей у Дуная и зловония на нашем биваке (где меня одолевало множество мух) мне предложили поместиться в болгарском домике близ царского бивака. Я поместился там с князем Борисом Голицыным, флигель-адъютантом Долгоруким (крымским) и принцем Лейхтенбергским (у каждого отдельная комната). Тут покойно и спится хорошо вдали от бивачного шума. Лошади на дворе.

В настоящую минуту считаю долгом воззвать к твоему благоразумию, бесценная жинка моя: до сих пор нас баловали быстрым доставлением писем, из-за Дуная письма будут приходить реже и дольше. Вооружись терпением и верою. Будем молиться и веровать, что волос с головы не спадет без воли Всевышнего. Не беспокойся, не тревожься, мужайся, не давай волю воображению и нервам, а молись, и Господь услышит нашу теплую молитву и соединит снова нас, чтобы уже больше не разлучать. Главное — сохрани бодрость духа и здоровье. Последнее невозвратно, когда утрачено. Сообщайте подробности о всех вас. Обнимаю тебя, друг мой ненаглядный, обнимаю и благословляю детей. Целую ручки у матушки. Мой сердечный привет Екатерине Матвеевне и поклон Пелагее Алексеевне, Нидман и Соколову и Мельникову.

Твой любящий и верующий муж, вернейший и признательный друг Николай.

¹² Боюсь, что мы не усердствуем в деталях. Это — отдельные славные дела, но они не очень продвигают нас к цели (фр.).

2 июля. Бивак у Зимницы

Только что отправил письмо вчера к тебе, бесценный друг Катя, ненаглядный друг мой, а кажется, что многого, что хотел и надо было сказать, не написал. Так и тянет беседовать с тобою хотя заочно. Вследствие недоразумения, вызванного моею телеграммою отцу от 7 июня, я дал себе слово более никому из вас не телеграфировать поздравительных телеграмм, которым ухитряются придавать драматический смысл, тем более что, по замечанию батюшки, неразборчивость моего почерка может способствовать путанице. Но не удержался воспользоваться предложением начальника телеграфа (которому я передал свое горе, что не могу тебе передать привет в день твоего рождения) и послал тебе телеграмму сегодня ночью в надежде, что она поспеет в Круподерницы (как мне обещали телеграфисты) в течение завтрашнего дня. Такое мне будет удовольствие, если удастся мой *tour de force*¹³. Напиши, когда получишь. Действительно, принимаю совпадение моего дежурства при государе (завтра) с переходом императорской Главной квартиры за Дунай к армии с днем твоего рождения за самое счастливое для меня предзнаменование. Этот день, народивший мое счастье, и выведет на свет божий моего земного ангела-хранителя, не может принести мне что другое, как добро, светлое, радостное.

Мы ездил с государем в Систово и далее по дороге в Никополь в надежде увидеть с высоты взятие сего города 9-м корпусом. Но выстрелов было не слышно и, вероятно, нападение не состоялось. Мы наглопались пыли и испеклись на солнце. Все утомились и залегли спать. Я пользуюсь удалением шумного сообщества, чтобы вымыться и с вами, моими милыми, побеседовать. Усталости я, равно как и Адад, до сих пор не чувствую и не нуждаюсь в денном сне, подобно всем товарищам моим.

Государь ехал по дороге, а я вровень с ним по горным тропинкам, пробитым параллельно дороге. Его величество раза два

¹³ Буквально — проявление силы, здесь — инициатива.

меня подзывал и со мною разговаривал. Главнокомандующий, как я и ожидал, прибыл в Тырново, не...

«Вестник Европы»

«Вестник Европы – историко – политический и литературный журнал, выходил в Петербурге с марта 1866 г. по март 1918; в 1866 – 67 гг. 4 раза в год, затем ежемесячно. В 1866 – 1908 гг. журнал издавал и редактировал М.М. Стасюкевич. С номера 11 в 1908 – 1916 гг. – издатель М.М. Ковалевский, редактор К.К. Арсеньев, с 1916 г. – издатель Д.Н. Овсенко – Кулисовский, редактор Д.Д. Гримля. «Вестник Европы» - орган умеренного буржуазного либерализма.

3. «Вестник Европы» - январь 1877 г. - с. 406-407

Большое впечатление на русское общество произвела Константинопольская конференция. Довольно неожиданно уступчивость всех сторон, на первом заседании конференции, привела к успеху, даже к полному соглашению. Затем вдруг представилось неожиданное для большинства публики обстоятельство - заявление Порты, что она не примет начал этого соглашения основанием для официальных переговоров. Опасность войны вдруг снова предстала пред вниманием русского общества, но произвела на него совсем иное впечатление, чем можно было бы ожидать. То, чего три месяца назад ожидали почти с нетерпением, теперь большинству представляется бедою, которую желательно бы устранить, почти, во что бы то ни стало. Произошло такое охлаждение к делу, что многие недавно еще соглашавшиеся признать славянский вопрос стоящим во главе внутренних вопросов России, теперь не только согласны перенести его туда, куда следует, в категорию вопросов внешних, но еще и вычеркнуть его из списка неотлагательных.

Такой полный поворот особенно замечается в настроении Москвы. Она шла впереди Петербурга в воинственном увлечении: в особенности говорилось в Москве в этом смысле очень много. Петербург слыл в Москве холодным, петербургские журналисты обвинялись там в «расхолаживании». Оказалось, во-первых, из отчета комиссии при славянском комитете по сбору пожертвований,

что Москва пожертвовала менее Петербурга, а именно 3 млн. руб. поступивших в комитет в течение 14 месяцев. В Москве собрано – 760 тыс. руб. а в Петербурге – 972 тыс. руб. Во-вторых, оказалось, что в то время как Петербург, который прежде отставал от Москвы в оптимизме, теперь отстает от нее в пессимизме.

Не будем слишком настаивать на причинах, вызвавших в большинстве общества, и не одной Москве, конечно, такой поворот. Разочарование, последовавшее за алексиначким поражением, неудовлетворительность экономического положения, стеснение товарного движения по случаю мобилизации, наконец, вести, отчасти преувеличенные, о нехороших отношениях между русскими охотниками в Сербии и тамошним министерством и населением; отъезд большинства наших «добровольцев» в Россию и претерпленные ими лишения, рассказы о некоторых прискорбных поступках иных русских волонтеров в Сербии; газетная полемика, удостоверившая, по меньшей мере, тот факт, что между русскими главными начальниками в Сербии, ни даже штабом и строевыми русскими офицерами в одной и той же армии не было согласия – довольно перечислить все эти обстоятельства, чтобы разъяснить произошедшую перемену в настроении.

«Вестник Европы» - март 1877, - с. 359-373

В марте-апреле 1877г. поступили новые сведения. Добровольцы окончательно возвращаются из Сербии; корреспонденция из Белграда замолкает; политический вопрос вступил в новую фазу.

Что же означают эти события? Одни были уверены, что славянский вопрос пришел к своему последнему периоду и из рук дипломатии перешел в руки общества, которое и решит его; что порыв русского общества посрамил бессердечную Европу. Другие не меньше желали свободы славянам, но думали, что для успеха такого дела, какое предпринималось, нужны были не те моральные средства, какие обретались в обиходе русского общества. Третьи были совсем равнодушны к славянскому вопросу.

Увлечение славянским вопросом пережито, у самых рьяных оно сильно охладилось, говорят, даже Москва, летом и осенью сильно воинственная, теперь желает только мира. Энтузиасты славянского вопроса ставил и вопрос таким образом. Освобождение

славян есть самая насущная задача для России и для русского народа. Мы и славяне составляем одно целое, славяне - наши братья и естественные союзники в той исторической борьбе, которую славянский мир весь вообще должен вынести против инородного и нам враждебного европейского запада. Вражда высказалась и теперь: одни русские искренне сочувствуют страшному угнетению балканских славян; вся Европа к нему равнодушна, - напротив, она сочувствует Турции, и пусть погибает славянство. Этому нечего удивляться, потому что естественные плоды европейской цивилизации - ложь и бессердечие. Мы должны держаться своего, национального, славяно-русского; те, кто не сочувствует современному «народному движению» - если не люди, лишенные всяких принципов, то люди, соvrащенные западом, оторвавшиеся от своего народного и не понимающие его.

Считать славянский вопрос «внешним» вопросом - грубое заблуждение. Напротив, это вопрос, истекающий из всего нашего национального существа, и, следовательно, решение его будет решением первостепенного вопроса всей нашей жизни: заботясь о нем, мы заботимся обо всем, именно через него мы и достигнем всего, что нужно обществу.

За освобождение и объединение славянства в особой мере, наша цель - основание истинной цивилизации. Что славяне предназначены к тому, это начинают видеть даже чужие люди; тем больше надо это понять нам, и поддерживать свою славянскую особенность. Мы должны были явиться в роли освободителей славянства и утвердителей славянской цивилизации.

Как видим, это были вещи не новые, но они были новы в таком количестве; их говорили люди, которые не бывали славянофилами. Наконец, выступило ультра-славянофильство, с той самой решительностью, как некогда во времена «Русской беседы», «Паруса», «Дне». Мы снова услышали, что вся наша образованность «петербургского периода» страдала странным недугом, слепым поклонением западу и отрицанием своего народного. «Этот недуг был поважнее недоразумений и вражды между отцами и детьми, которые, в сущности, были плодами одного дерева, одного поля ягода» - говорил В. Ламанский.

Здесь опять, как и у предшественников автора, нас окружают противоречия и туман. Славянофильство ставило в основу богословский принцип, воображало, что когда-то этот

принцип создал будто бы у нас истинные начала цивилизации и общественно-политического быта, и эту теорию, далеко не доказанную исторически, и не могущую быть доказанной, смело выставило как обязательную норму для современной жизни. Другой стороной учения было сочувствие к народу, желание изучить его, поднять его нравственное и материальное положение. В последнем они близко сошлись с «прогрессистами», которые в этом отношении, не один раз отдавали полную справедливость и их ученым исследованиям, и их гражданским усилиям.

Известно, что большинство нашей печати придавало величайшее значение движению русского общества в пользу славянства.

Все, видевшие дело на месте, и в том числе, лучшие наблюдатели, указывали на большую, чрезвычайную разницу между двумя разрядами добровольцев - из так называемого образованного класса, и из народа. Известно, какими подвигами с самого начала стали себя ознаменовывать первые; и все говорят, что охотники из народа, напротив, почти всегда, или большей частью, держали себя так, как подобало делу, на которое они шли. В отрывочных сведениях, какие есть, говорят, что в этом народном разряде воителей было много настоящей преданности, скромного мужества, искреннего желания принести с собой братскую помощь и, если нужно, отдать для нее жизнь. Это вполне соответствует рассказам о том, как принимались слухи о сербской войне. Мы думали и прежде, что для народа ближайший, наиболее понятный, возбуждающий мотив был - религиозный; единоплеменность сербов - мало известна народу, и была только приятной неожиданностью при встрече с народом, похожим на нас и верой, и говором, и обычаями. До сих пор народ не знал, или очень смутно знал об их существовании и, сражаясь теперь за них, жертвуя для них, оставался, конечно, при самых темных представлениях о политическом положении, о том, к чему идет дело. Эти люди и дома не привыкли задавать себе подобных вопросов, и их задача была - послужить христианству против турка. Это самоотвержение, не рассчитывавшее на материальную прибыль, искреннее и простодушное, есть, конечно, одним из тех фактов, которые способны еще более возбудить во всяком серьезном человеке желание, чтобы открылась, наконец, для этого народа широкая дорога просвещения и разумной общественной жизни.

Но не будем преувеличивать, - как бы ни был привлекательным этот факт только фантазия может находить в нем опору для той славянской идеи, с какой хотят ее связать. Стремление народного добровольца было стремление инстинкта, чувства, а не сознания. Тяжело сказать, но надо согласиться, что для самой народной массы прошли бесследно и гораздо более крупные исторические события: что вынес народ из Крымской войны? Даже из войны двенадцатого года? В войну 1812г., в народе закалялось лишь враждебное чувство к иноземному нашествию, национальное чувство, - приобретение только условное, - потому что собственно для себя он не вынес из этих событий ничего, никакого улучшения своей судьбы, никакого права. Самое нашествие он понял в апокалиптическом смысле, как приход Антихриста, а когда беда миновала, он остался тем, чем был. В настоящих событиях и большинство самого «общества», т.е. более образованного класса, имело также темное понятие о братском славянстве и о том, в чем должна состоять наша с ним солидарность. В том умственном тумане и жалком состоянии общественной самодеятельности, в каком наше общество находится, - со стороны общества странно затевать какие-нибудь великие подвиги; руководимые одними инстинктами, а не пониманием вместо, оно остается лишь слепым орудием и послужит таким принципам, которые не имеют ничего общего с идеалами освобождения. Если энтузиасты славянства желают настоящего успеха своей идеальной «славянской идеи», им надо будет пристать к мнению «прогрессистов», что первая забота должна быть о нашей совместной самодеятельности и о просвещении.

Говорят, что решение славянского вопроса решит наши собственные вопросы, что именно через него мы достигнем и возрождения нашего общества. Наивное заблуждение! Никакой «славянский союз» не даст нам того, что должно быть достигнуто собственным внутренним трудом.

Вмешательство русского общества в сербское дело представляет ряд противоречий, из которых можно видеть и лучшие, и худшие стороны наших отношений к славянству и наши внутренние свойства. Мы говорили о народе. Так называемая интеллигенция явилась в страшном разброде, так что разные ее слои не умели понимать друг друга. К сожалению уже скоро стало ясно, что вероятно большинство представителей нашего общества

были самыми печальными ее образчиками. По видимому, в Сербию отправился целый персонал трактирных героев, отпетых людей, для которых поездка в Сербию была только новый эпизод бесшабашного житья, удобный повод к проявлению их диких свойств. Эти же господа на первых же порах превратили отношения русских пришельцев с сербами в подозрительное недоверие, опасение, наконец, явную вражду. Потом явились к этому и другие поводы.

Но оставим эту, совсем безобразную сторону дела. В действиях самих руководящих лиц оказалось множество случаев, которые стали предметом длинных газетных толков и всевозможных осуждений. Назовем, например, Черняевский штаб, о котором столько говорилось и часто с таким негодованием. Говорят, что штаб Черняева был многочисленнее, чем бывает даже штаб главнокомандующего русской армией; но обыкновенно и те, которые не одобряли многочисленности Черняевского штаба, причем существенно вредившего делу своими нравами, обыкновенно оправдывали этот факт «добродушием» Черняева, неумением отказывать на просьбы и т.д. В результате добродушия одних и нахальства других получалось нечто, совершенно постороннее и ненужное для сербского дела, нечто, крайне противное отношению русских с сербами, вредившее ходу войны — но удовлетворявшее мелким самолюбиям, разнузданности, ничегонеделанью, привычным этой кампании у себя дома. Разом с этим, к сожалению, главная квартира сделала много ошибок, бросавшихся в глаза и происходивших от домашней привычки нашуметь, нахвастать, но дело делать, как попало. Всем известна знаменитая телеграмма, которая писала, «что турки в мешке», и вскоре после которой получены, были известия о действиях турок, далеко не отвечавших этому их положению. Главная квартира, по-видимому, отличалась благочестием; из Москвы доставлена была походная церковь, копии Московских святынь, чудовские певчие; но нравы штаба, сколько известно, не напоминали о крестоносном воинстве.

Несмотря, однако, на эти и подобные демонстрации, самое дело было организовано чрезвычайно недостаточно. Добровольцы, особенно такие, о которых так много рассказывают прискорбного, лишены были всякого правильного устройства и дисциплины; люди, смотревшие на Сербию, как на новый трактир, где притом

они будто бы были хозяевами, эти люди были предоставлены внушениям их собственного вкуса. В этом виноваты и сербские власти, - но они были в довольно щекотливом положении (ведь им приходилось бы сажать «спасителей» в смиренный дом), - и притом, вероятно факт был совсем неожиданный, который мог поставить в тупик и порядочных людей русского контингента. В самом деле, можно ли было порядочным людям думать, что в славянское дело захотят вмешиваться герои этого сорта.

Но русское общество, конечно, виновато; это — его порождение, и оно не думало до сих пор о том, что среди его вырастает такая масса людей, одичавших от невежества. И мало того, что оно об этом не заботилось: к удивлению, в некоторых случаях общество знало вперед, какого сорта людей посылает оно в Сербию; еще летом прошлого года мы с недоумением прочли в газетах письмо из Одессы, где корреспондент простодушно радовался, что в отряде добровольцев, отправлявшихся в Сербию, Одесса сбывла более сотни людей, отсутствие которых должно было способствовать ее собственному спокойствию. Говорят, что и в иных крупных городах заведомо делалось то же самое.

Отношения с сербами стали натянутыми, наконец, переходили в явную вражду. Теперь (в конце января) мы читаем в письмах из Сербии, что последние отряды добровольцев выезжают из Белграда, и, кроме русского консула никто не идет проститься с ними. Факт чрезвычайно прискорбный. Люди, доброжелательно настроенные с обеих сторон, желавшие успеха самому делу, искавшие национального сближения, старались скрывать этот факт но, к сожалению, он не подлежит спору.

Скажут, что мы извращаем дело, забывая то, что было совершено прекрасного и самоотверженного. Мы этого не забываем и отдаем полную справедливость всем великодушным людям, которые помнили о взятом на себя деле, отдали ему свой труд или свою жизнь; но нам, как вероятно и всем, жаль и тяжело, что плоды этого труда и самопожертвования на наших глазах заслоняются до такой степени, что впечатление сербов о нас осталось неблагоприятным.

«Вестник Европы» - апрель 1877 г. - с. 796-804

Вот как в периодических изданиях освещался Лондонский протокол. Переговоры между кабинетами по делам Востока так

затянулись, что в настоящую минуту на первом плане представляются уже не одни страдания герцеговинцев, босняков, болгар, сербов, но и страдания европейской промышленности и торговли, застой в делах и ухудшение экономического кризиса. В самом деле, переговоры пережили разорение и голод в Герцеговине, пережили ужасы в Болгарии и погром Сербии, и вся еще продолжают. О восстании в Герцеговине и Боснии теперь едва слышно, в Болгарии тихо, Сербия заключила мир, Черногория отстрочила войну и предъявляет такие условия мира, которые рассчитаны на значительный выигреш.

Турецкая конституция, по нашему убеждению, не лишена значения в общем смысле, но специально в отношении обеспечения быта христиан в провинциях, обогранных кровью, Конституция эта ничего, в действительности, не значит. Сам руководитель палаты общин, канцлер казначейства сер Стаффорд Норткот высказал, что конституция эта, рассматривается в самом благоприятном свете, и что никто не может иметь малейшего доверия к такого рода конституции.

В настоящую минуту, вопрос на практике состоит не в том, какое положение христиан могло бы быть признано удовлетворительным, но в том, какая может быть найдена дипломатическая гарантия, более достаточная, чем конституционные обещания. Турецкая конституция, для улучшения быта христиан и для предупреждения новой резни, действительно - только бумага, не более. Но ведь и дипломатический протокол, который постановлял бы, что в случае неприятия Турцией мер достаточных в течение шести месяцев державы предоставляют себе обсудить дальнейшее общее действие, - был бы не более как бумага. Каково могло бы быть это общее действие, когда главные министры королевы Виктории, лорды Биконсфильд и Дерби, самым решительным образом объявили, что Англия, хотя старалась бы понудить исполнить советы конференции, но не может ни употребить ни одобрить употребление силы.

Чем же гарантия реальней и прочнее той, которая представляется хотя бы в турецкой конституции? В конце - концов, для действительного обеспечения христиан, России все - таки пришлось бы выступить одной, с материальной силой, не только бы содействия, но и против согласия Англии.

С точки зрения русской, практически представлялись бы в настоящую минуту собственно два решения: или сделать действительный шаг к понуждению Турции осуществить советы конференции, для обеспечения участи турецких христиан, или сделать действительный шаг к улучшению нашего собственного положения. В первом случае войска наши могли бы теперь перейти турецкую границу, не зависимо от согласия держав, так как все равно когда — нибудь Россия должна же будет выступить одна, а согласие на такое вооруженное вмешательство она — от Англии, по крайней мере, никогда не добьется несмотря ни на какие протоколы. Во втором случае — Россия могла бы демобилизовать свою армию, без всякой гарантии европейского протокола, но с единогласным заявлением, что она сама дает Турции тот крайний срок, о котором сперва говорили в Англии — тот срок три года на осуществление реформ — и предоставляет себе сама, по истечению этого срока, если в пользу христиан не будет сделано того, что было решено на конференции — силою принудить к тому Турцию, не испрашивая более никакого содействия или согласия держав. Пусть тогда продолжались бы нынешние дипломатические переговоры о том, что бы придумать для мирного понуждения Турцию к действительным реформам. А в случае новых жестокостей в Турции, двух недель было бы достаточно, как теперь доказано фактами, чтоб вновь мобилизовать несколько корпусов.

Демобилизация же, по собственному желанию и почину России, предоставляла также реальные выгоды. Мы знали бы тогда только то же, что знаем и теперь, а именно, что со временем, через несколько лет, нам все равно одним придется выступить с оружием в руках для защиты христиан, в случае, если ничего для них сделано не будет, или если начнет разлагаться Турецкая империя, а тем более, если повторится резня.

Если Россия намерена сохранить свою армию в нынешнем положении, то есть продолжить для себя самой и Европы вероятность своего вмешательства в пользу христиан, в таком случае подписание протокола, то есть отсрочка такого ее вмешательства на 6 или 12 месяцев, не предоставляет для нее ни малейшей выгоды, решительно ни в чем не изменит нынешнего положения, но, наоборот, продлит его время на условный срок. А так как наша дипломатия старается, чтобы протокол был подписан, так как такова была одна из целей поездки генерала Игнатьева в

Лондон и Париж, и как притом, насколько известно, Россия несколько ни настаивала на намерении сохранить свою армию на военной ноге.

По сведениям «Times» из Парижа, в Лондоне было условлено, что Россия выразит депешью намерение демобилизовать свою армию тотчас по подписанию протокола, но из Петербурга не последовало на это согласия, а потому переговоры и прервались. По уверению «Temps», Англия требовала, чтобы Россия обязалась демобилизовать свою армию, но Россия отказалась сделать это до тех пор, пока не будет подписан мир с Черногорией и Турция не начнет сама разоружаться.

Итак, в то время как для нашей дипломатии протокол представлялся удовлетворением и средством к демобилизации, при приличных условиях, для дипломатии английской протокол представлялся как ловушка, в которую можно было поймать Россию и обязать ее разоружиться по требованию держав, то есть дать ей вместо удовлетворения – дипломатический удар.

Переговоры о протоколе, прервавшиеся отъездом генерала Игнатьева из Лондона, потом возобновились. Главный вопрос, который обсуждался, состоял в том - на каких условиях протокол должен быть подписан. Стало – быть, речь о разоружении, по всей вероятности не оставлена. Газета «Morning Post», имеющая связи с кабинетом, также выражала вновь благоприятные надежды, полагая, что «Россия удовлетворит желания Англии».

Что касается нашего личного мнения, то мы охотно отказались бы от удовлетворения национальному чувству, какое представлял бы протокол, без обязательства о разоружении. Нам, казалось бы, что дело столь же удовлетворительно могло быть решено без дальнейших переговоров в Лондоне, решено в самом Петербурге; если мы готовы к войне с Турцией, можем выносить ее издержки, и хотим действительно заставить Порту к существенным уступкам в пользу христиан. То армия ныне же может вступить на турецкую территорию и ожидать на ней короткое время мирной сделки; иначе – идти вперед. Если это по чему – либо признается неудобным, в таком случае Россия может выйти из нынешнего положения по собственному почину: демобилизовать армию, объявить, что сама дает Турции срок на три года для существенного обеспечения участия христиан, и по прошествии этого времени (в случае резни - немедленно) сама предоставит себе, без всяких

дальнейших переговоров, принять меры действительного принуждения. Пусть дипломатические усилия тогда продолжаются между Западной Европой и Турцией, но без всякого напряжения и расходов с нашей стороны. Это, казалось бы, нам удовлетворением нисколько ни меньшим, чем протокол в смысле общего обязательства ждать и потом сообщая еще только обсуждать средства эти ни в коем случае не должен быть принудительным, будто бы в интересах самих христиан! Само – собой разумеется, что мы просто высказываем теоретические мнения, никакого притязания влиять на внешнюю политику мы не можем.

Подвиг капитана

Шел второй год войны. Историки старой России именовали ее «Второй русско-турецкой войной» (1787-1794). В самом деле: это была кровавая схватка между давними соперничающими империями – Российской и Османской – в период правления Екатерины II. Правительство русской императрицы не только стремилось выйти к берегам Черного моря, но и значительно ослабить Турцию, отобрав у нее Крым и прилегающие к нему земли; а также насколько возможно, потеснить в проливах, ограничив действия неприятельского флота...

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, заключенный 21 июля 1774 г. и подтвержденный в 1779 г., был подписан между Россией и Блистательной Портой (так называли Турцию в официальных дипломатических документах того времени) в результате победы русской армии и флота в ходе Первой русско-турецкой войны (1768-1774 гг.).

Это соглашение представляло торговым судам страны-победительницы право свободно плавать по Азовскому и всему Черному морю и одинаковые коммерческие преимущества с французскими и английскими купеческими судами в турецких водах.

Согласно мирному договору к России на «вечные времена» отошли земли между Днепром и Бугом, Азов, Таганрог, Керч и Кинбурнская коса. Поскольку события описанные в данном очерке, произошли в этом районе, мы позволим себе сказать несколько слов о местности, где в ходе войны разыгрывались драматические события.

Между Днепровским и Ягорлыцким лиманами Черного моря растянулась низменная песчаная коса длиной около 40 км., шириной более 8 км. В те времена лиманы были буквально переполнены разнообразной рыбой, а по берегам пресных и соленых озер гнездились огромные стаи птиц.

Турки, владея этими землями, сумели по достоинству оценить их военно-стратегическое значение, и в XV веке они соорудили мощную крепость.

Как мы отмечали, в результате войны Россия отобрала у турок и Кинбурнскую косу. Но это еще не все: султан был вынужден признать независимость Крымского ханства и обязался не вмешиваться в дела населения Кубани и Ногайской степи, а река Кубань сделалась границей между империями. Однако и Россия в ходе переговоров пошла на определенные уступки: в руках турок оставался Очаков, известный своей крепостью, надежно защищавшей вход в Днепровский лиман. Кроме того, Турции были возвращены Молдова и Валахия, а также острова Ионического архипелага; взамен турки сквозь зубы пообещали не притеснять христиан – поданных султана.

Как и следовало ожидать, мир был не прочен. Нельзя не согласиться с русским военным историком А.Н. Петровым писавшим: «... весь период от Кучук-Канарджийского мира 1774 до 1787 г., то есть до начала второй войны, был не более как перемирием, в течение которого и Россия и Турция одинаково готовились к неизбежной войне».

Сыр-бор разгорелся из-за Крыма где правил пророссийски настроенный хан Шагин-Гирей. К тому же – Стамбул стал проводить откровенную антирусскую политику в Дунайских княжествах.

В июле 1774 г. турецкие войска вновь вошли в Крым, а чуть позднее был убит Григорий Гика, молдавский господарь сочувственно относившийся к России. Князь Репкин, русский посланник в столице Османской империи, настойчиво добивался от турецкого правительства выполнения договорных обязательств, но враждебные действия Блистательной Порты лишь усиливались. Тем не менее ни одна из сторон не была готова к полномасштабной войне. К тому же на султана оказывалось давление из Парижа. Франция, опасаясь поражения своего турецкого султана,

настойчиво толкала «дружественное правительство» к урегулированию разногласий с Петербургом.

И вот, Айналы-Кавакская конвенция, заключенная 21 марта 1779 г. между Россией и Турцией, фактически подтверждала статьи Кючук-Кайнарджийского договора. Турция вновь обязалась соблюдать суверенитет Крыма; правда, Россия и на этот раз проявила гибкость, согласившись, чтобы вновь избранные крымские ханы формально утверждались в Стамбуле. Наконец, Порта сумела выторговать для себя важные в стратегическом отношении земли между Днестром и Бугом, ранее принадлежавшие Крымскому ханству.

Конечно, стороны понимали, что конвенция 1779 года лишь передышка, только отдалявшая новое вооруженное столкновение; тем более, что в Петербурге окончательно решили присоединить Крым к Российской империи.

В начале 80-х годов международное положение России значительно улучшилось. Австрийский император, Иосиф II, слал Екатерине льстивые послания, обещая быть «преданным союзником»; Англия и Франция, завязнув в своих американских владениях, внимательно наблюдали за настроением зимнего дворца по щекотливой для них колониальной проблеме; Прусский Король угодливо обещал поддержать екатерининских дипломатов в русско-турецком конфликте.

В это сложное время вновь всплывает «Греческий проект», который предусматривал раздел Османской империи. Среди ближайшего окружения Екатерины II этим «проектом» серьезно «заболел» Г.А. Потемкин, неоднократно высказывавший мнение о необходимости изгнания турок из Европы и восстановления греческой империи во главе с одним из членов русского царствующего дома. Екатерина, слушая речи своего любимца, млела от удовольствия, действительно мечтая водрузить Византийскую корону на голову одного из своих внуков. Между прочим, идея светлейшего приобрела немало сторонников прежде всего из-за слабости Турции. В 1782 г. А.А. Безбородко, занимавшийся внешнеполитическими сношениями, даже составил записку-проект раздела Османской империи между Россией и Австрией. Такого рода планы существовали и раньше, но исходили они главным образом из западно-европейских столиц. Однако

теперь именно из Петербурга все громче стали раздаваться голоса, угрожающие существованию целостной Блистательной Порты.

Грандиозные планы России испугали многих европейцев; в Стамбуле же спешно принялись готовиться к войне. Правда, к концу 80-х годов международная обстановка изменилась не в пользу великой северной империи. Две могучие европейские державы – Англия и Франция, - практически ничего не добившись в Северной Америке, стали более решительно действовать на Ближнем Востоке. Даже наличия серьезных разногласий по «Восточному вопросу» не помешало им сплотиться в борьбе против России, которая, как они считали, угрожала их интересам. Англо-французская дипломатия откровенно подталкивала Порту к войне против своего главного соперника.

В августе 1787 года Турция объявила войну. Русский посланник, Булгаков, был заключен в Семибашенный замок, и вслед за этим турецкие суда внезапно атаковали стоявшие у Кинбурнской косы 44-пушечный фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Только 9 сентября (по старому стилю) 1787 года в Петербурге был оглашен манифест о войне с Турцией.

Князь Потемкин, фактически руководивший всей кампанией, приказал выйти в море «...собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля...»

Но на войне, как на войне: кто-то проявляет чудеса бесстрашия и выдержки, а иные... Командир корабля «Мария Магдалена» Тиздель, решив, что экипажу не справиться с явно превосходящими силами противника, спустил русский флаг и сдался на милость турецкого адмирала.

На военном совете, обсуждавшем поступок Тиздели, присутствовал тогда еще мало кому известный капитан Остен-Сакен, заявивший: «Господа! Рассуждайте об этом обстоятельстве как думаете и как бы каждый из вас поступил бы в подобном случае, а что до меня касается, то если судьба приведет вверенное мне судно в опасность достаться неприятелю, я скорее взлечу с ним вместе на воздух, нежели переживу подобное бесславие. В этом уверяю вас честным словом». Присутствовавшие офицеры только недоуменно пожимали плечами, глядя на носителя фамилии

курляндских дворян – Иоганна – Рейнгольда фон дер Остен-Скена, или, как его обычно называли товарищи, Христофора Ивановича.

Вскоре все забыли об этом рутинном для военного времени эпизоде. Однако случилось следующее. Весной 1788 г. Остен-Сакен был назначен на должность командира дуббель – шлюпки № 2, входившей в состав гребной флотилии принца Нассау-Зигена.

Здесь следует заметить: дуббель - шлюпка – род военного корабля, который появился в русском флоте еще при Петре I. Это были двухмачтовые суда, но с веслами. Такие суда должны, согласно правилам, вступать в сражение в строе выгнутой дуги, а потому самая сильная артиллерия ставилась на баке.

На дуббель - шлюпке Остен-Сакен находились два картаульные единорога, две пушки меньшего калибра и три фалконета; состав команды: 2 офицера, 2 унтер – офицера, 10 канониров и 40 матросов. Судно к тому же было небольшое по размеру: всего от 56 до 60 футов в длину и имело 42 весла.

И так, дуббель - шлюпка под командованием Остен-Сакена заняла бртвахтенный пост в устье лимана. Служба моряков протекала спокойно, но в мае 1788 г. в водах Кинбурна появились турецкие корабли. Тогда А.В. Суворов приказал капитану Остен-Сакену немедленно возвратиться обратно в флотилию принца Нассау-Зигена, избегая встречи с неприятелем.

Капитан Остен-Сакен, предчувствуя трагические события, сказал своему другу подполковнику Маркову: «Мое положение опасно, но честь свою спасу. Когда турки атакуют меня двумя судами – возьму их; с тремя – буду сражаться; от четырех - не побегу, но нападет более, то тогда – прощай, Федор Иванович – мы уже не увидимся».

Впрочем, опасения капитана имели основания: ему приказано было идти к своим, минуя значительные по числу кораблей и вооружению вражеский флот. Турки, заметив, что дуббель - шлюпка идет одна, направили против нее 30 галер. Но Остен-Сакен не растерялся. Он, поставив паруса, быстро продолжил свой путь, намереваясь уйти от погони. Русской шлюпке действительно удалось уйти от преследователей, но вскоре 13 галер, будучи гораздо быстрееходнее, нагнали судно. Это произошло в устье реки Южный Буг. Понимая безысходность своего положения капитан приказал нескольким матросам взять флаг и документы, предназначенные принцу Нассау-Зигену, пересечь в небольшой

бот и тотчас же скрыться. По свидетельству спасшихся моряков Остен-Сакен на прощание сказал им, что ни он, ни его судно врагу не достанется. Турки были так близко, что смогли саблями ранить одного из матросов, но ботик благополучно ушел.

Далее события разворачивались таким образом: Остен-Сакен заявил подчиненным: «Ребята, мы тонем, старайся каждый о своем спасении – я вам это позволяю и приказываю, а я сам подумаю о себе». Члены экипажа, бросились в море, хватаясь за бревна и другие плавающие предметы. На палубе остался один пушкарь. Капитан вырвал у него зажженный фитиль, велел оставить шлюпку. Христофор Иванович поджег бочку с порохом в тот самый момент, когда неприятель ступил на палубу русского судна. Раздался оглушительный взрыв. Большая турецкая галера, оказавшись рядом, накренилась и стала быстро погружаться в воду, сопровождаемая истошными воплями раненых. Десятки турецких солдат и матросов утонули; героически погиб и капитан Остен-Сакен.

Нельзя не согласиться с мнением английского наемника, служившего в те годы на флоте под командованием адмирала Федора Ушакова. Он писал, вспоминая русского матроса: «Не следует желать лучших людей, ибо неловкие, неуклюжие мужики скоро превращались под выстрелами в смысленых, стойких и бодрых воинов».

Что же касается противной стороны, то прав русский военный историк А.Н. Петров, метко заметивший: «Турок бывает храбр не потому что это свойство его природы, не потому что любит свое отечество, но потому что по обещанию Магомета, убитый под его знаменем, наследует седьмое небо, при чем каждому правоверному, соразмерно его подвигам и заслугам предназначено будет большое число красивейших гурий».

Однако храбрыми русскими матросами командовали офицеры в массе своей смелые и преданные родине и долгу. Подвиг одного из них – капитана Остен-Сакена – был по достоинству оценен.

Уже 27 мая 1788 года князь Потемкин сообщил в рапорте на Высочайшее имя: «...матросы видели его (*капитана Остен-Сакена – авт.*) окруженным неприятелем сцепившимся с оным и поднимавшегося на воздух если при сем случае не истребил он с собою судна неприятельского, так как уверяют, то неустрашимость, с которою он сражался и героическая смерть показали туркам каких они имеют неприятелей...»

Ответ императрицы Екатерины II не заставил себя долго ждать. 5 июня (по ст. стилю) 1788 г. поступил рескрипт №496 князю Г.А. Потемкину: «...Мужественный поступок Черноморского Нашего флота капитана Сакена, вами свидетельствуемый, заслужил Наше отличное благоволение, коим и воздали Мы оставшимся после него его ближайшим».

И через три дня последовал указ Сената, в котором читаем: «Во всемилостивейшем уважении мужественного поступка Черноморского Нашего флота капитана второго ранга Ивана Сакена, оказанного им в деле против неприятеля, с коим он, сражался и видя несравненно превосходную силу, предпочел истребление небольшого судна им предводимого со вредом врагу и самую смерть поносной сдаче, пожаловали Мы отцу его, капитану и Перновского уездного суда заседателю, Христофору Сакену по смерти его из вакантных в Лифляндии мыз бывших на содержании Ландратской коллегии десять гаков без платежа аренды».

Россия помнила своих героев, и спустя десятилетия Василий Мирошевский в «Воспоминании о Русском Флоте» напишет:

«А ты, неустрашимый Сакен,
Жизнь кончил в воздухе, герой,
Как подвиг твой велик и славен,
Гордится Русский флот тобой».

Источники и литература к очерку «Подвиг капитана»:

Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. М. – Л., 1940.

Вторая Турецкая война в царствовании Императрицы Екатерины II. 1787 – 1791 г. Составил генерального штаба полковник А.Н. Петров. Том I, 1787 – 1788 гг. – СПб., 1880.

Капитан 2-го ранга Иоган-Рейнгольд фон дер Остен-Сакен известный больше под именем капитана Сакена (лейт. Белавенец). СПб., 1901.

Мирошевский Василий. Воспоминания о Русском флоте. СПб., 1853.

Сборник военно-исторических материалов. Выпуск VI. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774-1788 гг. - СПб., 1893.

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ в 1768 г.

БОЕВОЙ ПОРЯДОК РУМЯНЦЕВА

ДИВИЗИЯ
БРЮСА

ДИВИЗИЯ
ОЛИЦА

ДИВИЗИЯ
ПЛЕМЯННИКОВА
(по Баклану)

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛАРГЕ 8.7.1770 г.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАГУЛЕ 1.8.1770 г.

НЕКОТОРЫЕ БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ, ПРИМЕНЯВШИЕСЯ СУВОРОВЫМ

СРАЖЕНИЕ ПРИ РЫМНИКЕ 22.9.1789 г.

ШТУРМ ИЗМАИЛА 22.12.1790 г.

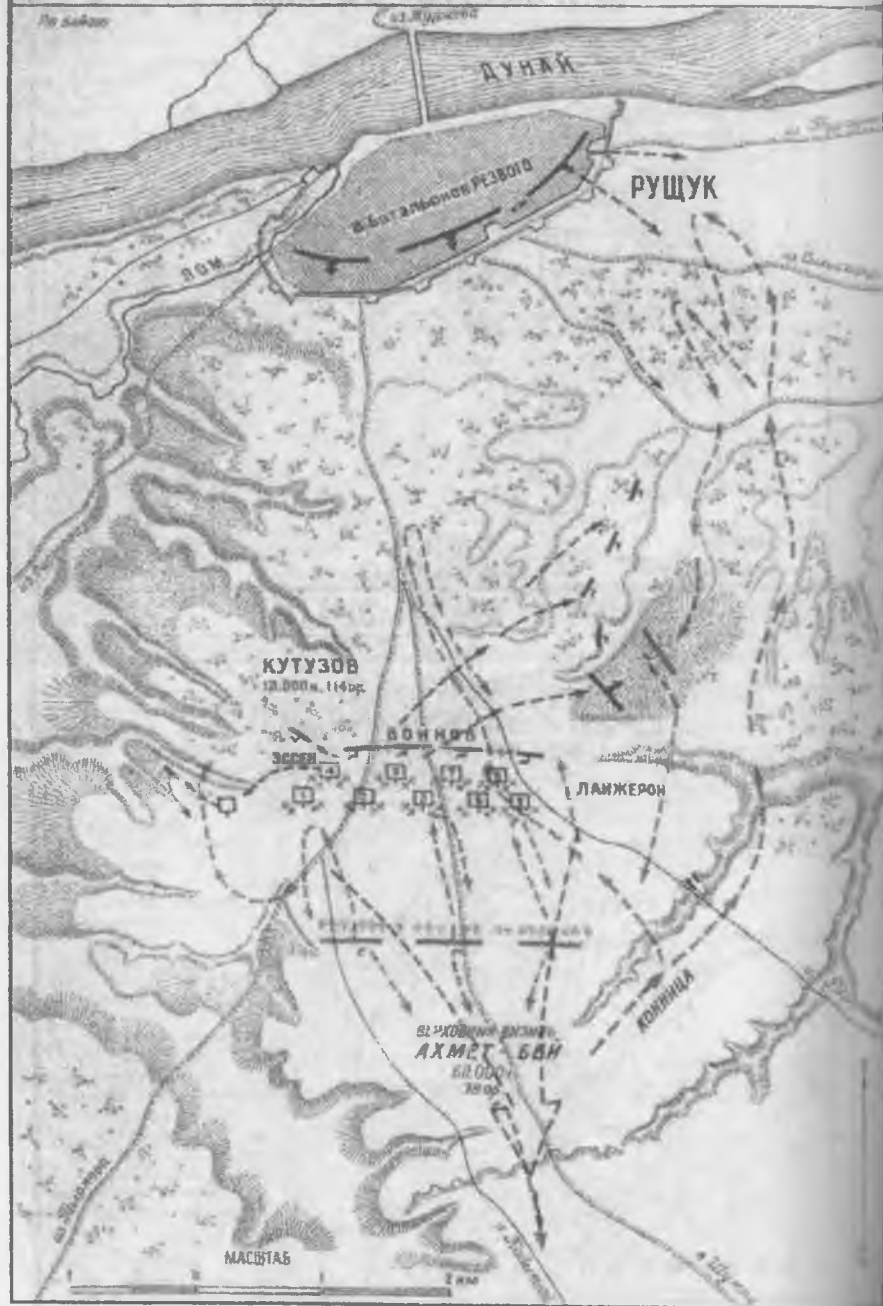
ОПЕРАЦИИ ЭСКАДРЫ УШАКОВА в СРЕДНЕЗЕМНОМ МОРЕ в 1798-1799 гг.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НАВАРИНЕ 20.10.1827 г.

РУЩУКСКОЕ СРАЖЕНИЕ 3.7.1811 г.

КОНЕЦ РУЦУЖСКОЙ ОПЕРАЦИИ КУТУЗОВА. РАЗГРОМ ТУРОК у СЛОБОДЗЕН 7/11/1811г

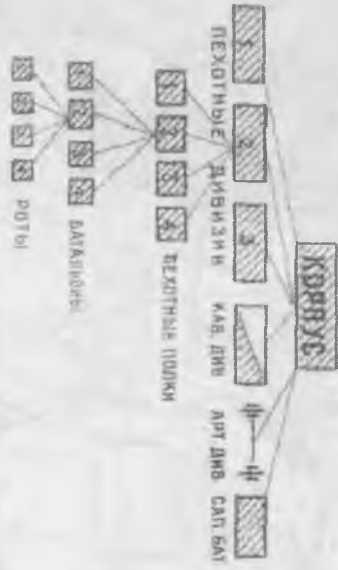

В.А. Корнеев

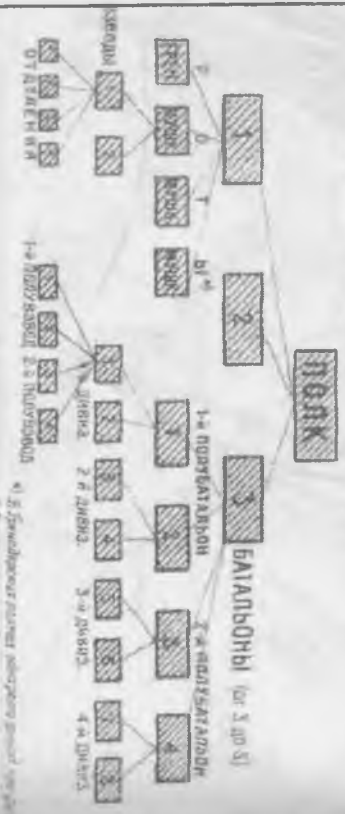

Н.С. Некрасов

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ

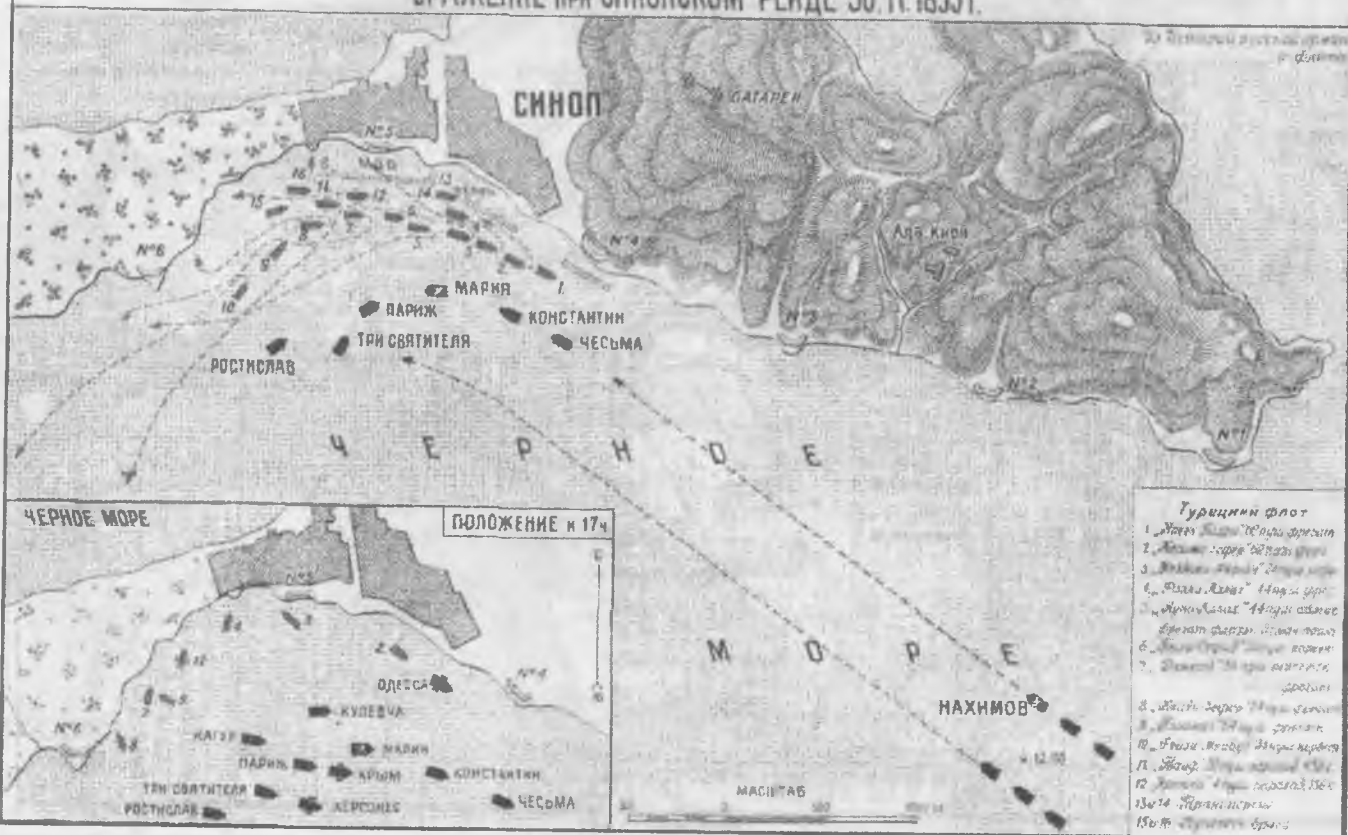

ПОСТРОЕНИЕ И РАСЧЕТ ПОЛКА ПО УСТАВУ 1836 Г.

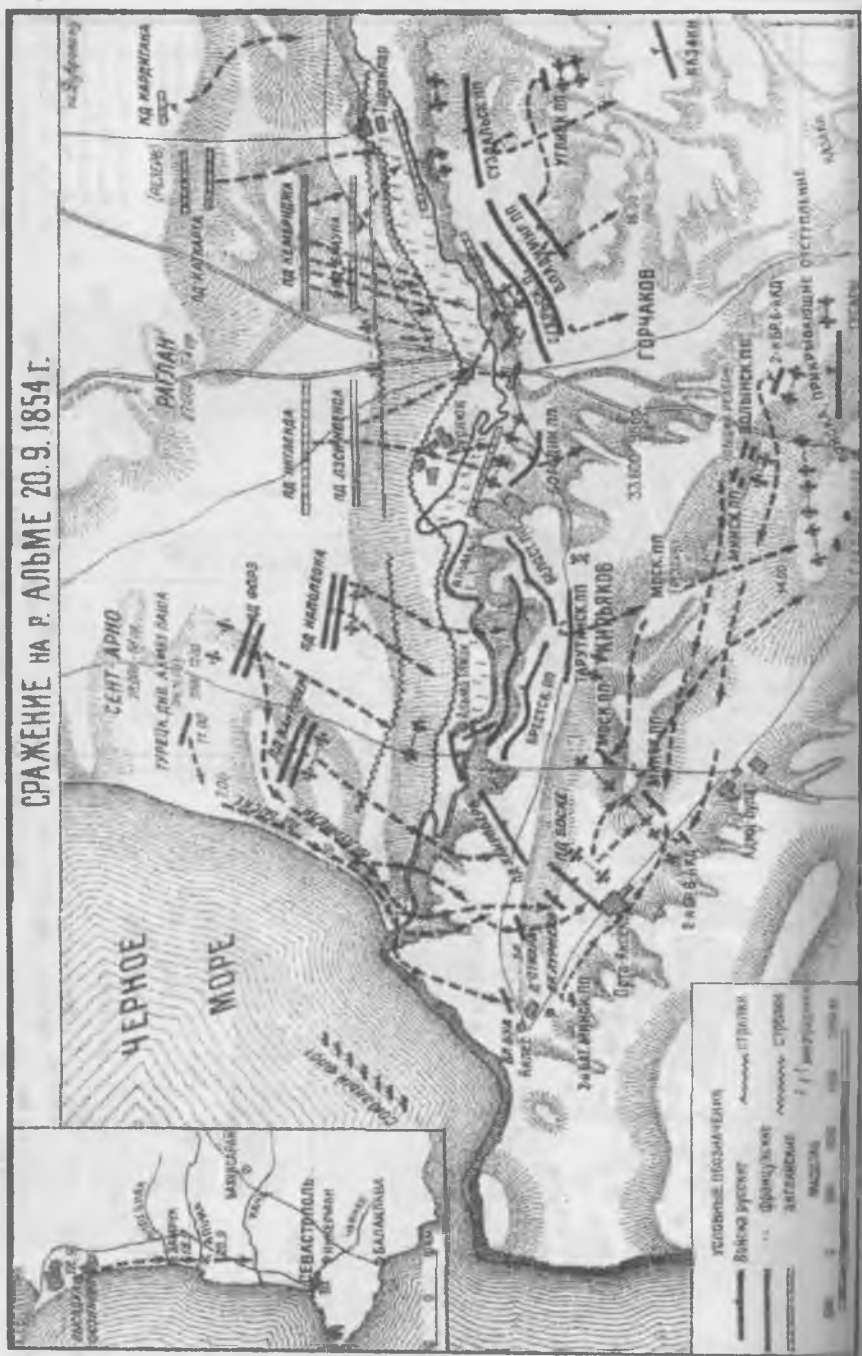
1) В бригадах полков и батальонов по 2 до 5
 2) В полках по 2 до 5 батальонов

СРАЖЕНИЕ ПРИ СИНОПСКОМ РЕЙДЕ 30.11.1853 г.

- Турецкий флот**
1. "Меджиди" 22 пушечный
 2. "Али-паша" 22 пушечный
 3. "Султан Абдул" 22 пушечный
 4. "Султан Абдул" 22 пушечный
 5. "Султан Абдул" 22 пушечный
 6. "Султан Абдул" 22 пушечный
 7. "Султан Абдул" 22 пушечный
 8. "Султан Абдул" 22 пушечный
 9. "Султан Абдул" 22 пушечный
 10. "Султан Абдул" 22 пушечный
 11. "Султан Абдул" 22 пушечный
 12. "Султан Абдул" 22 пушечный
 13. "Султан Абдул" 22 пушечный
 14. "Султан Абдул" 22 пушечный
 15. "Султан Абдул" 22 пушечный

СРАЖЕНИЕ НА Р. АЛЬМЕ 20.9.1854 Г.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877-1878 гг. ПЛАНЫ СТОРОН РУССКИЙ ПЛАН ИСПРЕЧА

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА БАЛКАНАХ

СОКРАЩЕНИЯ

Тшк - Ташкисан	Р.О. - Русский отряд
Злк - Златица	П.О.Г - Передовой отряд бурко
Обр - Обзетеница	В.Р. - Отряд Радецкого
ЗД - Западный отряд	

ШТУРМ КАРСА в ночь с 17-го на 18-е ноября 1877 г.

„Св. Евстафий Плакида,, 1763 г.

Эпизод Афонского сражения. (1807) Худ. А. П. Боголюбов

Бой брига «Александр» с французскими судами 17 декабря 1806г.
Худ. А. А. Блинов.

74-пушечный корабль „Азов“. Построен в 1826 г. Худ.
Е. В. Войшвилло

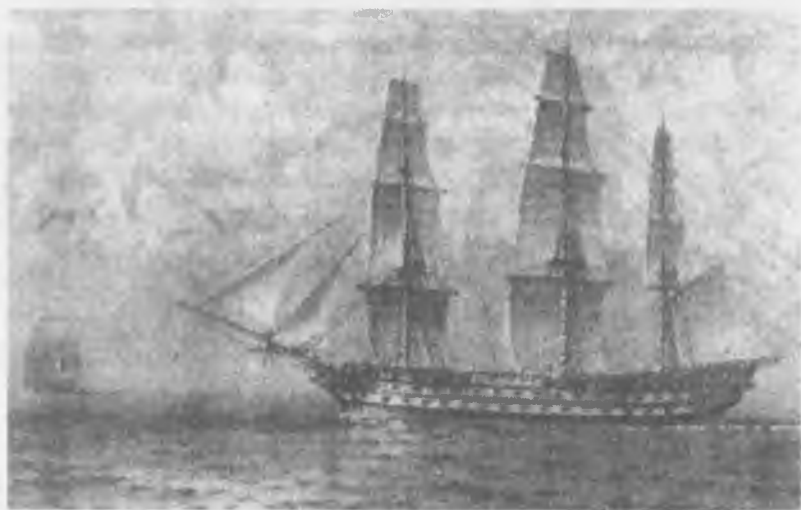
Броненосец «Двенадцать апостолов». Кон. XIX в.

Бой пароходофрегата "Владимир" с турецко-египетским пароходофрегатом "Перваз-Бахри". 5 нояб. 1853 г. Худ. А. П. Боголюбов. 50-е гг. XIX в.

Броненосец "Гангут". Участник Наваринского сражения 1827 г.

„Императрица Мария" у берегов Крыма. Худ. А. В. Ганзен.
(постройка 1853 г.)

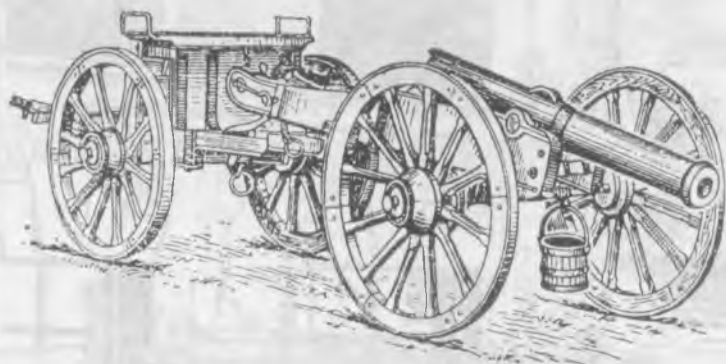
Фрегат «Аврора» участник Крым. войны 1853-1856 гг.

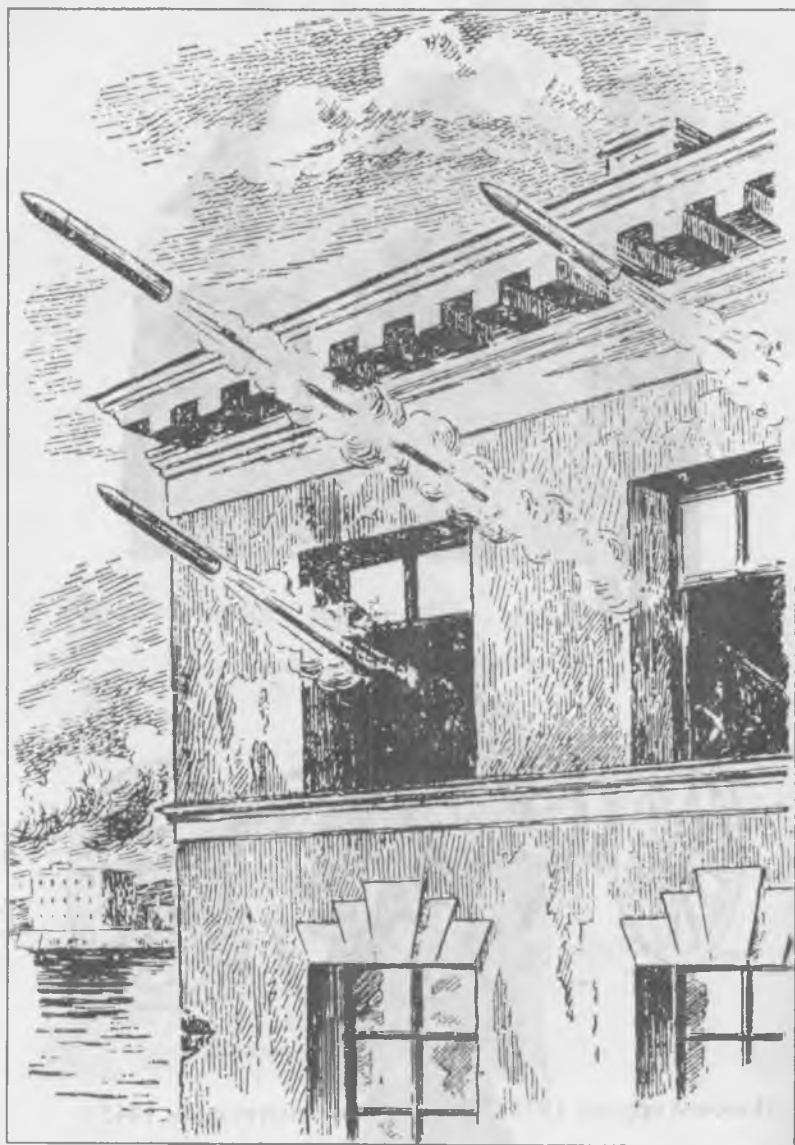
Форма 1870

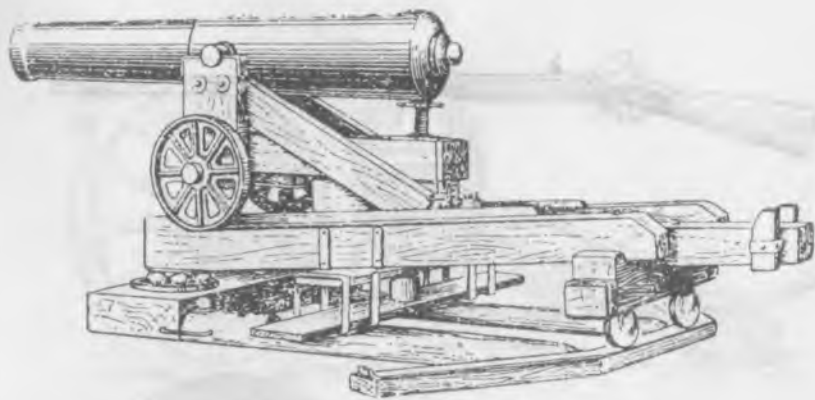
Форма начала XIX века

Полевое орудие 1838 г. с передком конструкции 1845 г.

Стрельба ракетной команды Пестича в Севастополе. 1854 г.

Крепостное орудие на высоком лафете образца 1839 г., на поворотной платформе

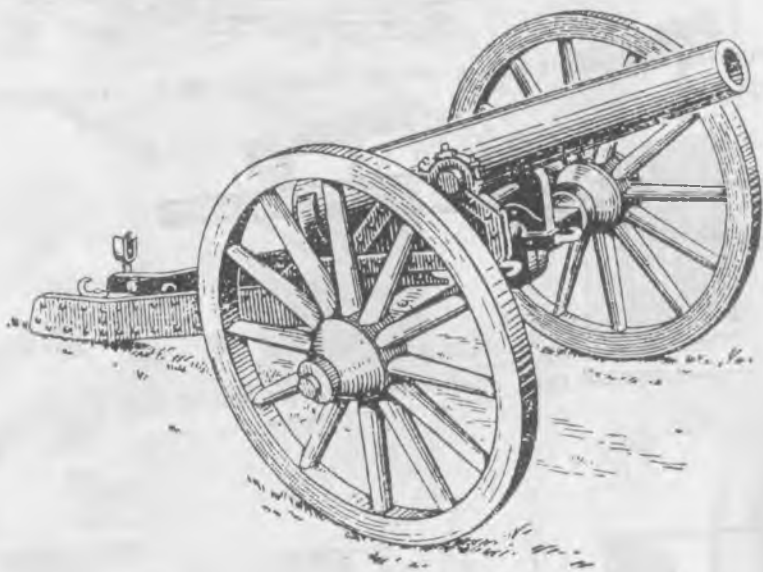
Ударный кавалерийский штуцер образца 1849 г.

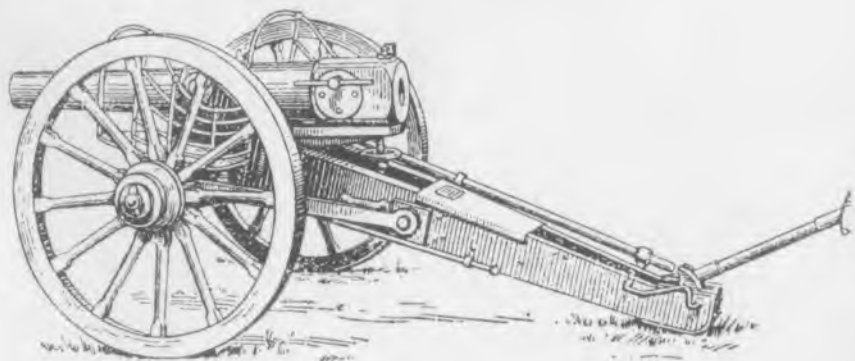
Крепостной стержневой штуцер образца 1851 г.

Ударное нарезное ружье образца 1854 г.

Нарезное орудие системы 1867 г.

Стальная пушка системы 1877 г.

На титульном листе битва в Наваринской бухте –
20 октября 1827 г.